

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

В 1

Р. 51 а 313.1

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

Printed in USSR
(Russia)

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1871 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы А. Н. Веселовскаго.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова А. Никитскаго.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. К. Г. Стефановскаго.

Воспоминаніе о Василии Назаровичѣ Карзинѣ Н. А. Лавровскаго.

О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Берлинѣ А. Шаврова.

Современная лѣтопись.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРІЕЙ НѢКОТОРЫХЪ РОМАНТИЧЕСКИХЪ СЮЖЕТОВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нѣтъ ничего благодарнѣе для изслѣдователя, какъ широкія задачи, обнимающія не одно одиночное явленіе, а нѣсколько, или одно какое-нибудь явленіе, но во всемъ разнообразіи его историческихъ выраженій. Сколько труда онъ ни положитъ на собраніе матеріаловъ, на выясненіе частныхъ, работа всегда остается неполною, потому что нѣтъ возможности поручиться, чтобъ отъ вниманія его не ускользнула та или другая мелочь, иногда очень важная для его собственной теоріи, но иногда и такая, знакомство съ которою могло бы удержатъ его отъ несвоевременныхъ обобщеній.

Съ другой стороны, во всякой широкой задачѣ есть своя выгода, есть много привлекающаго, вызывающаго къ дальнѣйшему изслѣдованію. Какъ бы гипотезически она ни рѣшена была на первый разъ, она непременно затронетъ много побочныхъ вопросовъ, и иные, казавшіеся окончательно порѣшенными, представить въ новомъ свѣтѣ. Повѣрочная работа можетъ отправиться отъ этихъ вопросовъ и прійти къ своимъ частнымъ результатамъ; если эти результаты встрѣтятся съ тѣми, которые получились ранѣе путемъ дедукціи, они подтвердятъ ея состоятельность, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано такихъ частныхъ провѣрокъ.

Кругъ апокрифическихъ, спеціально-Соломоновыхъ сказаній, и исторія ихъ вліанія на повѣствовательную литературу Европы послужили мнѣ темою для особаго изслѣдованія ¹⁾, были моею „широкою“ задачей. То, что я предлагаю теперь, составляетъ часть моей повѣрочной работы надъ собственной книгой.

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврабѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.

Разумѣется, я могу коснуться, на первый разъ, лишь немногихъ ея сторонъ. Для уясненія послѣдующаго припомню сущность главныхъ положеній, на которыхъ думаю остановиться. Я предположить большое участіе апокрифической литературы въ дѣлѣ распространенія у насъ восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Я разумѣю подъ апокрифомъ не только подложныя, тенденціозныя сочиненія, которыя назначены были выражать ученія какого-нибудь полухристіанскаго толка, но вмѣстѣ съ индексомъ папы Геласія и нашими индексами, — тѣ отреченныя книги, которыя, не заключая въ себѣ ничего определенно еретическаго, не смотря на это, наводили на народъ тьму нехристіанскаго суевѣрія: Физиологи, Phylacteria и т. п. Этимъ вліяніемъ на массу я объясняю себѣ апокрифическіе книжные слѣды въ такихъ произведеніяхъ народнаго слова, въ которыхъ до сихъ поръ мы были приучены видѣть произведенія народной фантазіи. Обнародовъ и освоившись на новой почвѣ, отреченныя повѣсти становились далѣе сюжетами для литературы: раскрывъ отношенія Мерлина къ Соломону апокрифическихъ сказаній, я имѣлъ въ виду еще крѣпче привязать романы Круглаго Стола къ ихъ книжнымъ, нелитературнымъ источникамъ. Италіанская новелла XIII вѣка, которую я привожу далѣе, прольетъ на эти отношенія новый свѣтъ, а небольшая поэма Пуччи „La reina d'Oriente“, источники которой я самъ не былъ въ состояніи опредѣлить лѣтъ восемь тому назадъ ¹⁾, представитъ другой любопытный примѣръ литературной обработки апокрифическихъ сказаній изъ Соломоновскаго круга. На отношенія другихъ частей предлагаемаго изслѣдованія къ вопросамъ, затронутымъ въ моей книгѣ, удобнѣе будетъ указать на своемъ мѣстѣ.

I.

Діалоги Сидраха и Вокха.

Извѣстно, что въ Соломоновской легендѣ большую роль играетъ діалогъ, то поучительный и серіозный, то комическій и распушенный, смотря по тому, на сколько онъ сохранилъ стиль стараго апокрифа, или на оборотъ, удалился отъ него, ощутивъ на себѣ всѣ послѣдствія народной переработки. Это дало мнѣ поводъ (стр. 252—253 моей книги) сблизить эту часть Соломоновской статьи съ тѣми многочисленными діалогами поучительнаго характера, которые давали пищу сред-

¹⁾ Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci, гл. 1-я.

невѣковой любознательности и матеріалъ такимъ, съ виду народнымъ произведеніемъ, каковъ нашъ духовный стихъ о Глубинной книгѣ (стр. 168—169).

Однимъ изъ такихъ діалоговъ я думаю теперь заняться, тѣмъ болѣе, что съ указанной мною точки зрѣнія онъ еще не былъ разсмотрѣнъ. Я разумѣю діалоги *Сидраха* и *Бокха*, или какъ они иначе зовутся въ рукописяхъ „Источникъ всякаго знанія“. Въ своемъ описаніи рукописей Парижской бібліотеки П. Парисъ сказалъ о нихъ нѣсколько словъ, а Ле-Клеркъ ограничился тѣмъ же въ XXIII-мъ томѣ *Histoire littéraire de la France*; въ 1868 г. Бартоли (Bartoli) издалъ староиталианскій текстъ діалога, очевидно переводъ съ французскаго¹⁾; второй томъ, имъ обѣщанный, еще не явился: онъ долженъ былъ заключать, между прочимъ, бібліографію рукописей и изданій. Передо мною лежитъ, въ рукописи XV вѣка Флорентинской національной бібліотеки, Венеціанская редакція тѣхъ же діалоговъ, также переведенная съ французскаго. Доводательство тому представляетъ самый текстъ, съ многочисленными слѣдами оригинала, который не всегда былъ понятенъ переводчику, почему иное слово онъ передѣлывалъ, какъ умѣлъ, на звукъ своего діалекта. Къ такимъ передѣлкамъ я не отношу, напримѣръ, такое слово, какъ *ortolà*, франц. *ostroier* (*Dio a odite la tua pregera e ortola ben, azo che tu posci* и такъ далѣе): это, можетъ-быть, специально Венеціанское выраженіе латинскаго *auctorare*, тогда какъ всѣ романскія видоизмѣненія того же глагола, собранныя Дицемъ (Etym. Wb. 3-е изд. I: *otriare*), заставляютъ предположить латинскую, не существующую форму: *auctoricare*. Но въ рукописи (сар. 387) находится разказъ о баснословныхъ птицахъ, съ замѣчаніемъ, что онѣ водятся въ Индіи „anche in el *male bethea*“, а это послѣднее несомнѣнно скопировано съ франц. *mer betee*, прованс. *mar betada*, mare concretum, coagulatum, нѣмец. *Lebermeer* (см. *Diez*, II, *beter*)²⁾.

Итакъ, оригиналъ Венеціанскаго Сидраха былъ также француз-

¹⁾ Il libro di Sidrach, въ Collezione di opere inedite o rare. Bologna 1868 г. 1 v.

²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы присоединить лишній примѣръ къ собраннымъ (Калксомъ) Caix (*Saggio sulla storia della lingua e dei dialetti d'Italia, parte I-a, 1872, LXVIII—LXVIII*) въ доказательство того, что итал. *baleno*, *balenare* не состоятъ въ связи съ греч. βάλειν, какъ думаетъ Дицъ (ib. II: *baleno*), а съ предполагаемымъ латин. *bislucinare*. Въ Аренцо до сихъ поръ говорятъ *balesenare* вмѣсто *balenare*, въ Ломбардіи *lesnà* и *lesnà*. Въ моемъ текстѣ гл. 130: *le fugore che se chiamano lesnade* (*lucinate*).

скій, хотя значительно разнившійся отъ того, которымъ пользовался переводчикъ текста Бартоли. Иныя главы развиты болѣе у одного, другія—у другого; послѣдовательность изложенія одна и та же тамъ и здѣсь, но въ рукописи слѣдуетъ за главой 261 (=277 текста Бартоли) большая вставка (гл. 261—323), которой въ печатномъ текстѣ ничто не отвѣчаетъ. Последнему обстоятельству я, разумѣется, не придаю большого значенія и не берусь рѣшить, находилась ли эта вставка уже во французскомъ текстѣ, которымъ пользовался Венеціанскій переводчикъ, или она имъ самимъ была почерпнута изъ какого-нибудь другого источника. Уже одна форма діалога, который можно себѣ представить продолжающимся до безконечности, объясняетъ такія самовольныя приращенія. Стоило только въ любомъ мѣстѣ прервать разговоръ и послѣ любого отвѣта Сидраха вставить новый вопросъ царя, или даже цѣлый рядъ вопросовъ съ соотвѣствующими толкованіями. Что въ текстахъ подобнаго рода такія приращенія были дѣломъ обыкновеннымъ, доказывается уже однимъ сравненіемъ изданія Бартоли, гдѣ всѣхъ главъ (то-есть, вопросовъ и отвѣтовъ) 557, съ французскою передѣлкой, напечатанною въ 1531 г. (Paris par maistre *Pierre Vidove*): „Mil quatre vingtz et quatre demandes, avec les solutions et responses à tous propoz, oeuvre curieux et moult recreatif, selon le saige Sidrach“. Наконецъ, самый составъ памятника, какъ онъ сохранился въ рукописяхъ, легко объяснить намъ его исторію. Рамка была дана въ разговорахъ между царемъ и мудрецомъ, и постепенно разрасталась до цѣлой энциклопедіи всего, что подобало знать средневѣковому человѣку: царь начинаетъ толковать о планетахъ и ихъ вліяніи, и въ книгу вставлялся въ разговорной формѣ полный звѣздочетецъ. Затѣмъ слѣдовали лапидарій, наконецъ травникъ. Что все это вставки позднія, я убѣждаюсь изъ того обстоятельства, что онѣ помѣстились въ концѣ діалога, хотя еще внутри той сказочной рамки, которая даетъ ему характеръ цѣлаго. Первая часть текста также не избѣжала интерполяцій, хотя вообще, вмѣстѣ съ рамкой діалога, она представляетъ намъ еще первичную форму произведенія. Разумѣется, только приблизительно. Возстановить ее критически возможно лишь въ томъ случаѣ, когда взяты будутъ во вниманіе всѣ существующія рукописныя редакціи, преимущественно французскія и провансальскія, какъ самыя древнія, которыми руководились и италіанскіе переводчики, а равно англійскій и фламандскій. Но и подобная критическая работа приведетъ насъ лишь къ установленію древнѣйшаго французскаго

текста, но не древнѣйшаго вообще. На какомъ языкѣ былъ написанъ первоначально діалогъ? Латинскихъ редакцій мы не знаемъ. Кто былъ его авторомъ? Бартоли предполагаетъ его Французомъ, на томъ основаніи, что Франки являются въ діалогѣ самымъ сильнымъ и славнымъ въ мірѣ народомъ. Ле-Клеркъ склоненъ признать въ сочинителѣ Еврея, и какъ увидимъ, не безъ нѣкотораго основанія. Кто бы онъ ни былъ, сочиненіе, въ своемъ настоящемъ видѣ, могло быть написано не ранѣе второй половины XIII вѣка: въ немъ упоминается Фридрихъ II и нищенствующіе ордена, и есть намеки на четвертый крестовый походъ. Къ этимъ хронологическимъ указаніямъ я могу присоединить еще слѣдующее изъ пролога Венеціанской рукописи: „Здѣсь кончаются рубрики этой книги, написанные въ Толедо въ лѣто отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 1242“ (Qui finisce li argumenti de questo libro chi funo facti in Toleta in l'anno de la incarnatione del nostro Signore Jhu Xpo MCCXLII anni facto per più magistri e clerici и т. д.).

Разумѣется, ни этимъ указаніямъ, ни другимъ фантастическимъ фактамъ, сообщаемымъ въ прологѣ, вѣрить сплошь нельзя. Кто не знаетъ, что сказатели французскихъ былевыхъ нѣсенъ (*chansons de Geste*) любятъ опираться на какую-нибудь старую латинскую рукопись, которую до нихъ никто будто бы не видѣлъ, или на хроники Сень-Дена. Чѣмъ не увѣреннѣе они въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ опредѣленнѣе они высказываются: припоминаютъ мелочи и самыя не значущія обстоятельства, при которыхъ найдена была рукопись, такъ что читателю остается только убѣдиться, что все это они въ самомъ дѣлѣ видѣли, слышали или вычитали. Къ разряду такихъ общихъ мѣстъ средневѣковой романтики относится и историческій прологъ; помещаемый въ началѣ разговоровъ Сидраха. Я говорю о его общемъ составѣ; но иные изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ слишкомъ вѣроятны, такъ что ихъ нельзя сразу заподозрить заурядъ съ другими.

Вотъ вкратцѣ содержаніе пролога. *Сидрахъ* (Сирахъ)—потомокъ (или сынъ) Яфета, мудрецъ полный всякаго знанія, какое было отъ начала міра до его времени. Ему извѣстны были девять сонмовъ ангельскихъ, планеты и звѣзды и все, что есть на землѣ и въ мірѣ. Но ему также открыто было будущее. Господь, по своей милости, показалъ ему образъ Пресвятой Троицы для того, чтобъ онъ могъ исповѣдать ее грядущимъ людямъ. Ему дѣйствительно удалось просвѣтить одного языческаго царя, по имени *Бокха* (*Boccus, Boctus, Bottus, Botozo, Botuso* и т. д.), предлагавшаго ему разные вопросы,

на которые Сидрахъ далъ ему мудрыя толкованія. Они такъ поправились царю, что онъ приказалъ собрать вопросы и отвѣты въ одну книгу—именно эту книгу. По смерти Бокха она попала въ руки одного именитаго человѣка (изъ Халдеи, прибавляетъ моя рукопись), который хотѣлъ было съечь ее по наущенію дьявола; но Господь этого не допустилъ. Затѣмъ владѣлъ ею царь Мадіамъ (Madiam, Madioano, Mandriano), потомъ Наманъ (Naman, Manan, Magna), главный между рыцарями сирийскихъ царей. Послѣ того книга долгое время не могла быть найдена; но Господь не хотѣлъ, чтобъ она потерялась, и по пришествіи Спасителя, она объявилась у одного Грецина (grison, по то gresco), по имени Aio Basileo ("Αἰὸς Βασίλειος")¹⁾, архіепископа Себасти, что прежде называлась Самаріей²⁾. Этотъ архіепископъ послалъ своего клирика Димитрія въ Испанію проповѣдывать Христову вѣру, и съ нимъ книгу Сидраха. По смерти Димитрія въ Толедо, книга осталась тамъ и была забыта, пока въ Толедо не водворилась церковь, и вопросы Сидраха были переведены съ греческаго языка на латинскій. Испанскій король пожелалъ имѣть этотъ переводъ, съ котораго по просьбѣ Тунисскаго короля былъ сдѣланъ новый переводъ на арабскій языкъ³⁾. Узнавъ о существованіи этого сокровища императоръ Фридрихъ II, и послалъ въ Тунисъ францисканца Руджеро, изъ Палермо, который вторично перевелъ для него книгу Сидраха съ арабскаго на латинскій языкъ. Исторія ея на этомъ еще не кончена. Θεόδωρ φιλοσοφῆ, родомъ изъ Антіохіи, пребывая въ то время при дворѣ, выпросилъ себѣ книгу у одного императорскаго служителя, и переписавъ ее тайкомъ, послалъ ее въ даръ Антіохійскому патріарху Уберту; съ этого экземпляра переписалъ ее патріаршій клирикъ, Giovanni Pietro di Leone (или Lione), и увезъ рукопись въ Толедо. Такъ она очутилась тамъ во второй разъ, и много переводовъ было съ нея сдѣлано, одинъ переводъ съ другого.

¹⁾ Я возстановляю, на сколько можно, первоначальную форму собственныхъ именъ, пользуясь, кромѣ моей рукописи, вариантами текста Бартоли, который, по непонятнымъ для меня причинамъ, принялъ въ текстъ самыя искаженныя формы: *Mandriano* вм. *Madiam*, *Marna* вм. *Naman*, *Fabastora* вм. *Sabaste*, *Jovanil* вм. *Ayo basileo* и даже *Codici Pisolatico* вм. *Todia filosofa*! Въ латинской рукописи *C* часто смѣшивается съ *T*, а *oi*, написанное связно, легко принять за *a*. *Codici-Todia*, франц. *Todre*, то есть, вѣроятно *Théodore*. См. статью *Steinschneider*, II *libro di Sidrach*, въ *Buonaproti*, Luglio 1872, стр. 244 прим. 3.

²⁾ Самарія названа была Себастой въ честь императора Августа.

³⁾ *Saracinesco*, *sarasiniois*. Бартоли нашелъ въ одной рукописи *francesco* и вставилъ его въ текстъ.

Что будетъ далѣе съ книгой, мы не знаемъ, заключаетъ прологъ,—но мы просимъ Создателя, чтобъ она попадала въ руки людей способныхъ уразумѣть ее во спасеніе души и тѣла.

Я уже сказалъ, что всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ нельзя придавать одинаковое значеніе. Подозрительною является обстоятельство и точность, съ которою разказываются факты, кажушіеся намъ мелочными; въ запутанныхъ блужданіяхъ книги, съ востока на западъ, и потомъ снова на востокъ, есть доля вымысла, и видно желаніе автора покрасоваться тайной, усложнить приключенія. Тѣмъ не менѣе, если удалить фантастическій элементъ, въ разказѣ останется много исторически вѣроятнаго, если не достовѣрнаго.

Такою представляется мнѣ, напримѣръ, исторія текста, въ началѣ очевидно еврейскаго или сирійскаго, переведеннаго потомъ на греческій языкъ, съ греческаго на латинскій, потомъ на арабскій и снова на латинскій и т. д. Подобная послѣдовательность, или лучше сказать, непослѣдовательность переводовъ могла на самомъ дѣлѣ имѣть мѣсто: стоитъ только вспомнить, что при такихъ именно случайныхъ условіяхъ совершилось переселеніе въ Европу и другихъ восточныхъ памятниковъ, напримѣръ Панчатантры. Что апокрифическія статьи, въ родѣ разбираемой нами, часто приходили къ намъ съ востока, и что Евреи были одними изъ главныхъ посредниковъ между восточною и западною фантазіей—въ этомъ трудно сомнѣваться; что по желанію Фридриха II предпринято было много переводовъ съ арабскаго и греческаго—это фактъ засвидѣтельствованный. Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ его въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный Михаилъ Скоттъ, родомъ изъ Англіи, учившійся въ Оксфордѣ, Парижѣ, и подъ конецъ, въ Толедо, центрѣ тогдашней арабско-еврейской образованности. Я не думаю сближать съ послѣднимъ обстоятельствомъ двойное уоми-наніе Толедо въ исторіи книги Сидраха; но сношенія Фридриха II съ Тунисскимъ царемъ, о которыхъ разказывается тамъ же, дѣйствительно напоминаютъ ученые разговоры императора съ султаномъ Малекъ-Камелемъ и калифомъ Рашидомъ, черезъ посредство котораго онъ переслалъ рядъ вопросовъ извѣстному арабскому философу Ибн-Сабину, жившему тогда въ Сеутѣ и потомъ въ Тунисѣ ¹⁾. Наконецъ, нѣкоторыя изъ именъ, названныхъ въ прологѣ, хотя изуро-

¹⁾ См. *Amari*, Questions philosophiques. adressées aux savants musulmans par l'empereur Frédéric II, въ *Journ. asiatique* 1853 (5-e série, t. I) pp. 240 — 274; *Huillard-Bréholles*, Historia diplomatica Frederici II t. I, Préface et introduction, pp. DXXVII — DXXIX. *Steinschneider*, ib. стр. 244, прим. 1.

дованныя переписчиками, могутъ быть безъ труда приурочены къ историческимъ лицамъ. Такъ, Антиохійскій патриархъ Uberto или Obert (во французскомъ текстѣ)—несомнѣнно Альбертъ, антиохійскій патриархъ, бывшій нѣсколько разъ посредникомъ между папой и Фридрихомъ II, отъ партіи котораго онъ отсталъ лишь послѣ Ліонскаго собора¹⁾. Прологъ разказываетъ, что книга Сидраха была доставлена Альберту нѣкимъ философомъ Todre, Todia, то-есть, Theodore, Теодоромъ, жившимъ при императорскомъ дворѣ. Сказано, что онъ посылаетъ книгу Антиохійскому патриарху, почему, по естественному смѣшенію, и его самого сдѣлали родомъ изъ Антиохіи²⁾. Теодоръ опять историческое лицо: въ актахъ онъ зовется „философомъ“ императора. Это былъ математикъ и астрологъ, человѣкъ разнообразныхъ знаній, ведшій корреспонденцію Фридриха съ властителями Каира, Туниса и Марокко и готовившій сиропы и фіалковый сахаръ (*zacusum violaceum*) къ императорскому столу³⁾.

Какъ видно, самое появленіе книги Сидраха въ европейской литературѣ обставлено мѣстными и личными отношеніями весьма опредѣленнаго характера. Если содержаніе отвѣчаетъ общаніямъ пролога, то ея источниковъ, если не автора, придется искать въ преданіяхъ арабско-еврейскаго востока, который такъ сильно вліялъ на цивилизацію швабскаго періода въ Италіи.

Познакомимся съ содержаніемъ діалоговъ. Они слѣдуютъ за прологомъ и вставлены въ рамку дѣйствія, долженствующую объяснить, по какому поводу произошли мудрые разговоры Сидраха съ царемъ.

Былъ на востокѣ царь, по имени Бокхъ, господствовавшій надъ обширною областью между Индіей и Персіей—Бактріаной (*Botirana*, *Vostoriensa*, *Vostoriens*, *Botenes*. Последняя—у Бартоли). Онъ задумалъ построить на границѣ своей земли и Индіи городъ, въ защиту отъ непріязненнаго ему царя Гагабо (*Guagahabo*, *Guagahar*), владѣвшаго большею частью Индіи. Начали строить башню; но на утро нашли разрушеннымъ все сдѣланное за день. Такъ продолжалось семь мѣсяцевъ. По совѣту своихъ мудрецовъ, царь собираетъ со всей своей земли гадателей и звѣздочетцевъ и проситъ ихъ помочь ему своимъ знаніемъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, которые они

¹⁾ *Huillard Bréholles*, ib. DXXIX—DXXX.

²⁾ *Steinschneider*, l. c., 244 прим. 4, задаетъ по этому поводу вопросъ: не предположить ли какой-нибудь европейской Антиохіи?

³⁾ *Huill. Bréh.*, ib. DXXIX—XXI.

употребили на вычисления, они объявляютъ царю, что онъ можетъ увѣренно приступить къ работѣ въ такой-то день и часъ, какой именно они ему скажутъ. Царь, въ великой радости, велитъ снова приняться за постройку, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и въ предыдущіе разы. Тогда онъ приказываетъ заключить въ темницу живыхъ кудесниковъ. Между тѣмъ царь Гарабо слышалъ объ этихъ неудачахъ и написалъ Бокху письмо: слышали мы, что вы хотите построить городъ на нашей границѣ и много потратились, но не могли при всемъ стараніи соорудить и одной башни. Если вы выдадите за меня дочь вашу, я вамъ позволю построить башню.

Письмо это еще болѣе разсердило Бокха, и онъ кликнулъ кличъ, что отдаетъ и свою дочь, и полъ-казны тому, кто поможетъ ему въ его дѣлѣ. Приходитъ къ нему одинъ старій человѣкъ; отказывается и отъ казны, и отъ брака, впрочемъ, предоставляя награду на усмотрѣніе Бокха, которому даетъ такой совѣтъ: послать къ царю Траттабаръ за астрологическою книгой Яфета, въ которой собраны наставленія ему ангела; и пусть пришлетъ вмѣстѣ съ книгой и своего мудреца Сидраха. Онъ вамъ посоветуетъ, что дѣлать.

Бокхъ поступилъ по указанію старика. Когда явился Сидрахъ, онъ объявилъ царю, что земля эта заколдованная, и никакая постройка на ней не устоитъ, пока чары не будутъ сняты. Я знаю, какъ это сдѣлать: я нашелъ въ одной книгѣ, принадлежавшей нѣкогда Ною, что ангелъ Господень указалъ ему въ глубинѣ Индіи одну гору, по прозванію „Зеленая гора вѣрона“. Когда Ной выпустилъ изъ Ковчега вѣрона, онъ нашелъ на этой горѣ падающій и опустился на нее; оттого она такъ и прозвана. Лежитъ она не далеко отъ женскаго царства (Амазонки), и живутъ на ней люди съ собачьими головами (Кинокефалы, Песыглавцы). На ней водятся 12.000 породъ травъ: четыре тысячи изъ нихъ приносятъ пользу, четыре тысячи — вредъ, четыре тысячи — ни вреда, ни пользы. И еще есть тамъ 12.000 (или 7.000) родовъ водъ, которые 12.000 (или 7.000) разъ въ году соединяются вмѣстѣ и орошаютъ и эти травы, и землю. Если вы добудете эти травы, ваше желаніе будетъ исполнено. Царь тотчасъ же изъявляетъ желаніе добыть ихъ, во что бы то ни стало.

Затѣмъ слѣдуетъ разказъ о походѣ Бокха въ страну Песыглавцевъ, о битвахъ съ ними. Сидрахъ сопровождаетъ царя и когда, послѣ побѣды, онъ отказался принести жертву стоявшему въ царскомъ шатрѣ идолу, между нимъ и языческими мудрецами происходитъ споръ. По молитвѣ Сидраха молнія разбиваетъ иступанъ и поражаетъ

нѣсколько язычниковъ. Его схватили и посадили подѣ стражу; но безъ него никто не знаетъ, что дѣлать, какъ имъ быть на этой горѣ. Снова обратились къ Сидрахи, который обѣщаетъ помощь, лишь на томъ условіи, чтобы Бокхъ увѣровалъ въ истиннаго Бога. Царь обѣщаетъ это сдѣлать, но хочетъ напередъ убѣдиться, увидѣть Бога во очію. Сидрахъ молится, и ангелъ сходитъ къ нему: Господь услышалъ твою молитву, ты побѣдишь вражью силу; милость Господня сошла на тебя, такъ что ты въ состояніи будешь повѣдать невѣрнымъ все, отъ начала міра до пришествія истиннаго пророка, Сына Божія, и далѣе до. пришествія лживаго пророка, сына Люцифера, и до конца міра. Возьми земляной сосудъ и поставь его на трехъ деревьяхъ, во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, трехъ лицъ въ одномъ Божествѣ; наполни сосудъ водой и покажи его этимъ невѣрнымъ. Сидрахъ все исполнилъ по указанію, и Бокхъ увидѣлъ въ водѣ „тѣнь Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, на престолѣ, среди пѣнія и славословія ангеловъ“. Сидрахъ объясняетъ ему эту тайну, и царь увѣровалъ въ истиннаго Бога. Его приближенные этимъ не довольны, и не будучи въ состояніи свратить его, думаютъ посрамить Сидраха, заставляя его еще разъ спорить съ своими мудрецами. Онъ не только поборолъ ихъ, но и, къ удивленію всѣхъ, выпилъ поднесенный ему кубокъ съ ядомъ и остался невредимъ. Въ то же время сошла молнія съ неба и поразила мудрецовъ. Тогда злые духи, предчувствуя поражение, пытаются еще разъ удержать свою власть надъ людьми, наведя на нихъ страхи: поднялась страшная буря съ громомъ и такимъ ливнемъ, что, казалось, зальетъ всю страну. Но и на этотъ разъ ангелъ научаетъ Сидраха: возьми воды изъ сосуда и покропи ею во имя Пресвятой Троицы по четыремъ угламъ шатра; возьми одно изъ этихъ древъ, и ходя по шатру, ударяй имъ о другое, во имя всемогущаго Бога, и діаволъ будетъ посрамленъ. Когда Сидрахъ исполнилъ это, буря прекратилась, и явился другой ангелъ, который поразилъ діавола огненнымъ мечемъ и сжегъ истуканъ. Бокхъ окончательно увѣривается въ новой вѣрѣ, и послѣдними увѣровалъ тѣ, кто до сихъ поръ колебался. Сидрахъ объясняетъ царю значеніе видѣнныхъ имъ символическихъ дѣйствій: три дерева означаютъ Троицу, Отца, Сына и Святаго Духа—три лица въ одномъ Божествѣ; земляной сосудъ—это міръ, поддерживаемый Пресвятою Троицею. Вода въ немъ означаетъ Сына Божія, который воплотится въ Дѣвѣ Маріи и спасетъ міръ, и будетъ распятъ на крестѣ, и погребенъ въ землѣ, какъ эта вода влита въ

земляной сосудъ. Вода, которою окроплены четыре угла шатра, проображаетъ крещеніе Спасителя и его новый законъ; четыре угла — четырехъ евангелистовъ и четыре стихіи; древа, которыми я билъ одно о другое, обозначаютъ святыхъ мужей, учениковъ Спасителя, которые пойдутъ по всему свѣту научать людей во ихъ спасеніе.

На сколько вся эта символика вымыслена, я не берусь сказать теперь, при недостаткѣ книгъ для справокъ. Какъ извѣстно, христіанствующая аллегорія доходила и не до такихъ тонкостей. Можно предположить, что въ дошедшихъ до насъ текстахъ Сидраха смыслъ иносказанія въ иномъ мѣстѣ затемненъ позднѣйшимъ умствованіемъ. Если вода въ сосудѣ прообразуетъ таинство воплощенія, то сосудъ, поставленный на трехъ древахъ, вѣроятно, истолковывался первоначально, какъ образъ Спасителя (сосудъ), простертаго на крестѣ. Три древа не имѣютъ ли отношенія къ извѣстному сказанію о *трехчастномъ* крестномъ древѣ ¹⁾. Позднѣйшее толкованіе увидѣло здѣсь лишь символъ Троицы, „три лица въ одномъ Божествѣ“ — очевидно, въ ущербъ себѣ и въ ущербъ образности. Три древа не могли прообразовать таинственнаго единства; другое дѣло единое, но трехчастное древо.

Но я предоставляю себѣ поговорить далѣе объ источникахъ разбираемой книги, чтобы не прерывать изложенія, которое привело насъ къ началу собственно діалога. Обращеніе Бокха совершилось, и онъ начинаетъ задавать Сидраху рядъ вопросовъ, на которые и получаетъ разъясненіе. Легко предположить, что въ началѣ содержаніе вопросовъ и толкованій опредѣлялось значеніемъ только что совершившагося факта: Бокха, какъ неофита, необходимо было посвятить въ тайны новой космогоніи, объяснить ему явленія жизни съ точки зрѣнія христіанскаго міросозерцанія. Въ дошедшихъ до насъ текстахъ діалоговъ никакой подобной системы не видно, и понятно почему. Я сказалъ, что первоначальныя рамки разговоровъ раздвигались, принимая въ себя цѣлыя новыя отдѣлы, которые и теперь легко отличить, какъ позднѣйшія, внѣшнія приставки. Но изъ этихъ позднихъ приращеній нѣкоторыя главы могли перемѣщаться въ старыя тексты, по ошибкѣ или потому, что такъ казалось удобнѣе тому или другому переписчику-компилятору. Это повело къ самому плачевному смѣшенію: въ вопросахъ нѣтъ строгой послѣдовательности, или она по-

¹⁾ См. Веселовскаго, «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольѣ и Мерлинѣ», стр. 170—174.

минутно прерывается вставками, не идущими къ дѣлу; едва одинъ рядъ явленій привлекаетъ вниманіе царя, какъ онъ задаетъ посторонній вопросъ, и затѣмъ снова возвращается къ прежней темѣ, иногда послѣ нѣсколькихъ главъ. Въ началѣ царь спрашиваетъ: есть ли у Бога начало? Можетъ ли Онъ быть видимъ? Бездѣсущъ ли Онъ? Что Онъ создалъ въ началѣ и когда были сотворены ангелы?—Нѣсколько главъ посвящены ангеламъ и злымъ духамъ. Сотворилъ ли Господь человѣка своими руками? Гдѣ былъ сотворенъ Адамъ и куда онъ пошелъ, будучи изгнанъ изъ рая? Слѣдуютъ вопросы, касающіеся грѣхопаденія и искупленія.

Глава XVIII говоритъ о томъ, сколько лѣтъ жилъ Адамъ, о его болѣзни и смерти; по этому поводу сообщается легенда о крестномъ древѣ, въ одной изъ тѣхъ разновидностей, которыя были популярны на Западѣ. Адамъ боленъ и посылаетъ сына (Сиеа) въ рай — испросить у ангела излѣченія себѣ. Сиеа приноситъ ему три райскія сѣмени, которыя кладетъ ему въ ротъ: по смерти Адама изъ нихъ вырастутъ три дерева, на которыхъ распять будетъ Спаситель во искупленіе первороднаго грѣха (гл. XVIII). Вопросы касаются затѣмъ смерти, души; что было сотворено раньше—душа или тѣло? Кто говоритъ: душа или тѣло, и какимъ образомъ можетъ душа испытывать блаженство и ощущать муки, будучи безтѣлесною? Гдѣ она обитаетъ?—въ крови, почему она и не можетъ оставаться въ тѣлѣ, когда изъ него вышла вся кровь. Какимъ образомъ знаемъ мы, что сотворены по подобію Божію, и почему, будучи таковыми, мы не въ состояніи дѣлать то же, что Онъ? Что дѣлается съ кровью по смерти тѣла, и съ огнемъ, когда онъ потушенъ? Глава XXXV говоритъ о составѣ тѣла изъ четырехъ стихій: персть отъ земли, холодная (sic) кровь изъ воды, душа отъ воздуха и горячаго дыханія Божія: она и сообщаетъ теплоту крови и всему тѣлу. Созданы ли души отъ начала свѣта или создаются ежедневно? (гл. XXXVI).

Во всемъ этомъ еще замѣчается извѣстная связь: вопрошаніе начинается съ созданія міра и человѣка и переходитъ къ отношеніямъ души и тѣла. Но затѣмъ являются страницы, гдѣ трудно дать себѣ отчетъ, какимъ принципомъ руководился собиратель въ распредѣленіи своего матеріала. Я позволю себѣ привести содержаніе нѣсколькихъ главъ, непосредственно слѣдующихъ за приведеннымъ выше вопросомъ.

Гл. XXXVII. Люди, не знающіе Бога и никакого блага, могутъ ли обрѣсти извиненіе?

Гл. XXXVIII. Долженъ ли человѣкъ дѣлать что-либо помимо заповѣди Божіей?

Гл. XXXIX. Почему смерть такъ названа?

Гл. XL. Сколько міровъ, и въ какомъ отношеніи они другъ къ другу?

Гл. XLI. Милостивъ ли Господь?

Гл. XLII. Всѣ ли люди будутъ вѣрующими, когда прійдетъ Сынъ Божій?

Гл. XLIII. Какую заповѣдь дастъ Господь своему народу?

Гл. XLIV. Что самое вѣрное, благословенное, достойное и прекрасное? (душа).

Гл. XLV. Что самое гадкое, опасное и проклятое? (душа).

Гл. XLVI. Святые души будутъ ли ощущать жалость къ грѣшнымъ?

Гл. XLVII. Что лучше—здоровье или болѣзнь (души) и т. п.

Афористическихъ вопросовъ, подобныхъ послѣднему, встрѣчается много: что лучше всего на свѣтѣ, или что хуже? (языкъ). Какое искусство всего важнѣе? (письмо). Что всего больше? (милосердіе Божіе). Что всего чернѣе на свѣтѣ? Какой самый опасный членъ человѣческаго тѣла? (глаза). Какое животное всего быстрѣе и болѣе чутко? (собака) и т. п. И все это въ перемежку съ такими наивными задачами: Отчего солено море? Какъ далеко отъ неба до земли? Можетъ ли человѣкъ сосчитать волны морскія и песчинки на землѣ? Откуда происходитъ дождь, снѣгъ, бури, землетрясенія? Цѣлый рядъ вопросовъ посвященъ интересамъ житейскаго, практическаго характера: какъ должно обходиться съ людьми? Должно ли наказывать женщину, если она дурно ведетъ себя? Что выше: царь или законъ? Отчего происходитъ проказа или чесотка? Какъ можно сдѣлать женщину беременною? Отвѣты на вопросы подобнаго рода объясняютъ введеніе въ составъ стараго сборника всякаго рода рецептовъ и совѣтовъ, заимствованныхъ изъ народныхъ лѣчебниковъ.

Я сообщилъ содержаніе большей части діалоговъ (по 388-ю главу текста Бартоли), которое Бокъ резюмируетъ такъ (гл. 422 моей рукописи): „Мы слышали пока о духовныхъ и временныхъ предметахъ; теперь мы желали бы узнать о друзьяхъ Божіихъ, какіе они были отъ Адама и до Ноя“. Разказъ принимаетъ снова историческій характеръ, хотя и не вездѣ его выдерживаетъ: отъ Ноя мы прямо переходимъ къ поколѣнію, какое будетъ во время пришествія Спасителя, къ его рожденію, смерти и воскресенію; узнаемъ о его

чудесахъ и ученикахъ. Слѣдуетъ затѣмъ громадная вставка, равняющаяся почти пятой части всего текста (гл. 415—523 текста Бартоли) и занятая звѣздочетцемъ ¹⁾, лапидаріемъ и травникомъ. Въ послѣднемъ преобладаетъ элементъ рецепта; лапидарій стоитъ въ связи съ тѣми специальными сборниками, которые говорили о чудесныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ драгоценныхъ камней. Средневѣковое преданіе приписываетъ одинъ изъ такихъ сборниковъ какому-то восточному царю Эваксу, который будто послалъ его въ даръ императору Нерону ²⁾; другой извѣстенъ подъ названіемъ: „*Lapidarius Sathonis, excerpta (sic) ex libro Rasielis angelis*“ ³⁾.

Если удалить вставку, на которую я указалъ, то 523-я глава и слѣдующія до 544 естественно помѣстятся за 415. Продолжается историческій очеркъ судебъ міра, отъ смерти Спасителя до послѣдняго суда,—очеркъ, привязанный къ судьбамъ Іерусалима, этого пупа земли (*lo bellico del mondo*). Спрашивается: кто будетъ владѣть имъ по смерти Спасителя? Говорится о Магометѣ, о подвигахъ Карла Великаго, о крестоносцахъ, рожденіи Антихриста, который поставитъ себѣ престолъ на горѣ Фаворской, и о судномъ днѣ. Разказъ принимаетъ таинственный, апокалиптический колоритъ, даже въ описаніи такихъ историческихъ фактовъ, которые для писателя діалоговъ были дѣломъ прошлымъ или даже совершились на его памяти. Предполагается, впрочемъ, что Сидрахъ прозрѣваетъ ихъ во мглѣ будущаго; оттого онъ такъ часто напоминаетъ своимъ пророческимъ тономъ предсказанія Мерлина и откровеніе Мееодія Патарскаго. Я думаю, что для характеристики послѣдняго памятника, издавна извѣстнаго у насъ на Руси, будетъ уместно слѣдующее извлеченіе изъ нѣсколькихъ главъ діалога.

Гл. DXXVIII. Крестоносцы заняли святую землю: „Затѣмъ придетъ съ востока султанъ и отниметъ у христіанъ (*popolo del figliuolo di Dio*) много городовъ и именитый городъ Іерусалимъ. Не по многу времени выйдетъ изъ промежъ двухъ горъ безобразный народъ, Татары ⁴⁾, и отнимутъ весь востокъ у грязнаго сарацинскаго племени... и убьютъ ихъ калифа“. Потомъ проявится между Сарацинами царь, который начнетъ тѣснить христіанъ.

¹⁾ О источникахъ его см. *Steinschneider*, I. c., стр. 246.

²⁾ См. предисловіе Нардучи (*Narducci*) къ *Libro di li virtudi de le pietre preziose* въ *Propugnatore*, годъ II-й.

³⁾ *Steinschneider*, *ib.*, 246.

⁴⁾ Воспоминаніе о Гогѣ и Магогѣ, которые и въ славянскихъ текстахъ Мееодія Патарскаго отождествляются съ Татарами.

Гл. DXXIX—DXXX. „Тогда Франки отправятся за море съ большою ратью, чтобы завоевать Божій городъ Іерусалимъ; но вмѣсто того возымѣютъ мысль пойдти въ другую сторону, и ничего не сдѣлавъ, вернутся вспять. Всѣ ихъ владѣнія въ Сириі переидутъ къ Сарацинамъ, которые сильно возгордятся; но это будетъ ихъ послѣднее торжество, и ихъ конецъ не далекъ. Вскорѣ вернутся Франки и отберутъ у нихъ землю и города и будутъ владѣть ими долгое время. И одинъ изъ Франковъ сядетъ въ городъ по сосѣдству съ Татарами, такъ что между нимъ и ими границею будетъ большая холодная рѣка, текущая съ востока (*grande fiume d'asque fredde che vengano d'Oriente*). Этотъ человѣкъ станетъ свататься за благородную христіанскую даму, владительницу Каира и Вавилоніи ¹⁾; оскорбленный отказомъ, онъ начнетъ помышлять объ измѣнѣ своимъ и позволить тѣмъ, что выйдутъ изъ промежъ двухъ горъ, то-есть, Татарами, перейти рѣку, и даже общается имъ помощь противъ христіанъ. Но христіане Каира и Вавилоніи прогоняютъ Татаръ и возьмутъ въ плѣнъ измѣнника. Черезъ нѣкоторое время Татары соединятся съ Греками и завоюютъ Каиръ и Вавилонію и окрестныя земли, отнимутъ у христіанъ Іерусалимъ и многихъ изъ нихъ изобьютъ, и не оставятъ имъ ни одного города, кромѣ Александріи, что лежитъ у моря и франческаго Монреале (?). Тогда Франки поспѣшатъ прекратить между собою войны и несогласія, и соединятся въ большомъ числѣ: часть пойдетъ на Романію (Грецію) противъ Грековъ и Татаръ и отниметъ у нихъ большую часть Романіи; другіе отправятся въ Александрію противъ Татаръ и побѣдятъ ихъ и отнимутъ у нихъ всю землю, и начнутъ гнать ихъ до самаго Багдада (*Baldacca*). Здѣсь они останутся три года. И въ одну изъ пятницъ произойдетъ битва между христіанами и Татарами; въ началѣ побѣдятъ первые, но затѣмъ побѣда повернется, и Татары погонятъ христіанъ черезъ холодную рѣку, гдѣ многіе изъ нихъ потонутъ, и снова отберутъ у нихъ все, кромѣ Александріи и Монреале. Вѣсть объ этомъ пораженіи пройдетъ по всему западу, и черезъ три года опять двинется многочисленное христіанское войско: съ нимъ будетъ ихъ глава „отецъ божьяго дома“ (*padre della magione del figliuolo di Dio*), котораго они назовутъ папой; много королей и рыцарей, а также король Испаніи. На этотъ разъ побѣда на сторонѣ христіанъ: они преслѣдуютъ Татаръ до

¹⁾ Въ средніе вѣка Каиръ назывался также Вавилономъ. См. *Steinschneider*, стр. 245, примѣч. 3.

Багдада, гдѣ передъ тѣмъ сами были поражены, и здѣсь разбиваютъ ихъ на голову, въ воскресенье. Восемьдесятъ семь дней будетъ длиться преслѣдованіе и избіеніе непріятелей: многіе изъ нихъ крестятся, не многіе спасутся бѣгствомъ въ страну Георгійцевъ (Georgiani—Грузины?) и въ пустыню Тарса. Христіане жъ останутся отдыхать подъ *сухимъ деревомъ*, чтѣ стоитъ на краю востока, въ пустыни, гдѣ солнце показывается лишь на одинъ часъ въ день. Оно такъ велико, что семь человѣкъ не въ состояніи охватить его, и внутри пустое. Въ день Воскресенья Господня „отецъ божьяго дома“, папа, совершитъ таинство Евхаристіи подъ этимъ деревомъ, и оно тотчасъ же позеленѣетъ и дастъ цвѣты и плоды. И тогда всѣмъ объявится, что милость Господня съ ними, потому что разцвѣтшее дерево обозначаетъ, что Божій народъ отмститъ за стыдъ и поношеніе, которое невѣрующіе учинили Господу своимъ невѣріемъ¹⁾.

Гл. DXXX—XXXI. Христіане возвращаются. Слѣдуетъ еще нѣсколько пророчествъ о нашествіи Индѣйцевъ, о новомъ союзѣ Татаръ съ Греками, о появленіи новаго незнаемаго народа. Побѣдивъ его, христіане возвратятся въ Іерусалимъ и станутъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ и любви, всякій будетъ уступать господство другому, и никто не захочетъ взять начальство себѣ. Тогда послышится гласъ съ небеси, и произойдетъ чудо, по которому верховная власть отдана будетъ западнымъ людямъ (*quelli del ponente*), а они по своему благодушію и смиренію раздадутъ другимъ мелкія владѣнія. „Я думаю, что все это произойдетъ незадолго до рожденія лживаго пророка

¹⁾ О сухомъ деревѣ говорятъ и пророчества Мерлина (Venezia, 1540), кн. I, гл. 95: онъ знаетъ все, чтѣ случится (слѣдуетъ длинное поименованіе странъ): «et per tutta la provincia di Tartaria infino in India piccola et infino in Abiron infino al *Alboro secco*. *Arbre sec*, или *sec arbre*, или *arbre qui fent* часто упоминается въ старо-французскихъ поэмахъ. Такъ въ Chevalier du Cigne (ed. Reiffenberg) vv. 5679 и 7900; въ Romans du conte de Poitiers (ed. Fr. Michel), p. 54 и 63 (сл. *Reinaud et Francique Michel*, Roman de Mahomet, note supplementaire au roman du conte de Poitiers), въ jeu de St. Nicolas. Къ этимъ указаніямъ, собраннымъ Рейснергомъ, я присоединю еще слѣдующія изъ Huon de Bordeaux (ed. Guessard): vv. 3060, 3247, 3520. Torsello Sanuti и Mandeville помѣщаютъ это сухое дерево въ Мамврійской долині (Mambre—Abiron?), въ окрестностяхъ Мертваго моря, оно находилось тамъ съ начала міра, но со времени крестной смерти Спасителя засохло и потеряло листья, и зазеленѣетъ лишь тогда, когда въ странѣ кругомъ него снова будетъ возвѣщено Евангеліе и подъ его вѣтвями отслужена обѣдня. Въ Персіи также существовало дерево, которое христіане называли *Arbre sec*, а туземцы *Солнечнымъ*.

Антихриста, сына діавола". Появятся страшныя знаменія: разрушеніе городовъ и пожары, воцареніе лжи и неправды на землѣ.

Сообщенный отрывокъ кажется мнѣ любопытнымъ образчикомъ той особой философіи исторіи, которая почерпала свои идеи изъ ученія о тысячномъ годѣ и изъ Апокалипсиса. Отдѣлъ пророчествъ, относящихся ко времени, непосредственно предварающему явленіе Антихриста, созданъ подъ впечатлѣніемъ послѣдняго источника; но имъ предшествуютъ другія, въ которыхъ историческіе факты нарочно затуманены, чтобы воспроизвести стиль прорицанія. Такъ, въ началѣ гл. DXXXIX говорится, можетъ-быть, о крестовомъ походѣ 1204 г.; въ гл. DXXXII Магометъ родится въ Вавилонѣ и Каирѣ, что показываетъ, что во время автора главнымъ центромъ магометанскаго владычества былъ Каиръ ¹⁾. Если изучить эту часть діалоговъ, сближая ихъ съ тѣми историческими фактами, которые могли послужить имъ матеріаломъ, легко подойти къ болѣе точному хронологическому опредѣленію памятника. Очевидно, напримѣръ, что авторъ могъ безгранично предаваться вымысламъ, лишь говоря о томъ, что для него было еще будущимъ, о пришествіи Антихриста и т. п.; прошедшее онъ также облекалъ въ форму видѣнія, или говорилъ о немъ неясно, но главныхъ фактовъ онъ не долженъ былъ искажать, чтобы не уличить свое пророчество во лжи. Разграничить въ діалогахъ область историческихъ намековъ отъ чистаго вымысла—значить опредѣлить время, до котораго доходила историческая память автора, значить опредѣлить *его время*. Подъ авторомъ я разумѣю того, кому принадлежитъ древнѣйшая, достижимая теперь по текстамъ, редакція памятника. Въ источникахъ, которыми онъ пользовался въ свою очередь, этого пророческаго отдѣла могло и не быть, и діалогическій элементъ могъ быть развитъ слабѣе; относительно послѣдняго, по крайней мѣрѣ, извѣстно, какую массу новаго матеріала приносила съ собою каждая новая редакція.

Между тѣмъ, наставленія Сидраха кончились, и книга кончается короткимъ разказомъ о возвращеніи Бокха и о благополучной постройкѣ башни. Мы помнимъ, что въ началѣ книги, Сидрахъ поставилъ удачу постройки въ зависимость отъ какихъ-то чудныхъ травъ; Бокхъ нарочно ходитъ за ними на „зеленую гору ворона“; теперь, когда онъ всего болѣе нуженъ, о нихъ не упоминается ни однимъ словомъ. Очевидно, діалогическая часть такъ разрослась, что заняла

¹⁾ Steinschneider, l. s. p. 245.

часть CLXV, отд. 2.

все вниманіе, въ ущербъ романтической канвѣ, о которой никто болѣе не думалъ.

Мы можемъ теперь обратиться къ вопросу объ источникахъ діалоговъ. Недавно поднялъ его въ особой статьѣ Штейншнейдеръ и высказался противъ мнѣнія Ле-Клерка, будто оригиналъ Сидраха—первоначально написанъ какимъ-нибудь южно-французскимъ Евреемъ, въ XIII вѣкѣ переведенъ съ еврейскаго на латинскій, и затѣмъ, на французскій языкъ ¹⁾. Штейншнейдеръ, наоборотъ, не усматриваетъ въ сохранившихся переводахъ никакихъ слѣдовъ еврейскаго оригинала ²⁾; авторъ Сидраха не только не Іудей, но весьма ревностный христіанинъ, какъ видно изъ всего характера его поученія; онъ только заимствовалъ отъ какого-нибудь Еврея басню о Сидрахѣ, чтобы вложить въ нее свое содержаніе ³⁾. Изслѣдуя источники нашей книги, Штейншнейдеръ собралъ все-какіе матеріалы, освѣщающіе происхожденіе какъ діалоговъ, такъ и баснословнаго разказа, въ который они вставлены. Имя Сидраха напоминаетъ ему Шадраха (Sciadrach), халдейское имя Хананьи (Hanaia), одного изъ трехъ плѣнныхъ Іудеевъ, не захотѣвшихъ поклониться передъ идоломъ Навуходоносора. Сидрахъ также не хочетъ принести жертву идолу Бокха, имя котораго напоминаетъ арабское Bokht-an-Nasar = Навуходоносоръ. Не смотря на это, Штейншнейдеръ болѣе склоненъ признать Сидраха передѣлкой имени Іисуса Сираха, творца Притчей. Далѣе, Сидрахъ названъ астрологомъ, а въ одной греческой рукописи Бодлеевой бібліотеки есть трактатъ объ астрологіи, приписанный Сираху. Интереснѣе слѣдующее свѣдѣніе: въ 1858 году Штейншнейдеръ издалъ сборникъ изрѣченій и басенъ, извѣстный подъ названіемъ Bep-sira или алфавитъ Bep Sira. Средневѣковой компиляторъ этой книжки не извѣстенъ, и не извѣстно, когда онъ жилъ, но въ половинѣ XII вѣка въ Палестинѣ уже знали его сборникъ, въ которомъ притчи Іисуса сына Сирахова перемѣшаны съ другими притчами и баснями, заимствованными изъ источниковъ еврейскихъ, персидскихъ, арабскихъ, магометанскихъ, и можетъ-быть, христіанскихъ. Содержаніе состоитъ въ томъ, что Навуходоносоръ призываетъ семилѣтняго Bep-sira, внука пророка Іереміи, который приказываетъ бросить въ львинный ровъ совѣтниковъ царя и даетъ мудрыя рѣшенія на предложенные ему 22

¹⁾ Тамъ же, стр. 245.

²⁾ См. впрочемъ тамъ же, стр. 244.

³⁾ Тамъ же, стр. 245.

вопроса ¹⁾. Изъ этихъ вопросовъ, впрочемъ, ни одинъ не нашелся въ діалогахъ Сидраха, такъ что сходство обоихъ памятниковъ ограничивается пока сходствомъ замысла и рамки. По поводу послѣдней Штейншнейдеръ сдѣлалъ позднѣе приписку, напечатанную въ концѣ статьи, что разказъ о юномъ Венсирѣ во многомъ напоминаетъ басню о ребенкѣ Мерлинѣ и царскихъ мудрецахъ ²⁾. Нѣкоторыя другія подробности вступительной сцены діалоговъ вызвали отдѣльные замѣчанія Штейншнейдера, болѣе наводящія на вопросъ о происхожденіи всего памятника, чѣмъ рѣшающія его. Такъ, онъ сближаетъ башню, которую задумалъ построить Бокхъ, съ тою, которую еврейская легенда приписывала Навуходонбсору, а магометанская—Нимроду, то-есть, съ Вавилонскою ³⁾. Астрологическая книга Яфета, о которой говоритъ Сидрахъ, отвѣчаетъ восточнымъ сказаніямъ о Симѣ, какъ изобрѣтателѣ астрономіи, и о Яфетѣ, который будто бы построилъ въ странѣ Сияъ (Китай) храмъ съ семью окнами ⁴⁾. Въ тѣхъ же раввинскихъ и магометанскихъ легендахъ находится и разказъ о вѣрономѣ, котораго Ной выпустилъ изъ ковчега, чтобъ онъ развѣдалъ о потопѣ, а онъ вмѣсто того опустился на падалъ и не вернулся ⁵⁾. Наконецъ, кинокефалы, амазонки, гора съ 1.200 травъ и водъ напоминаютъ введеніе въ отреченную книгу Сима и баснословныя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ ⁶⁾.

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ сближеній лишь тотъ, что рамка и нѣкоторыя подробности книги Сидраха напоминаютъ восточныя произведенія того же характера. Мои собственныя занятія исторіей Соломоновской легенды позволяютъ мнѣ высказаться нѣсколько опредѣленнѣе. Въ слѣдующемъ разборѣ я не стану касаться собственно діалогической части книги: съ одной стороны, она слишкомъ подвергалась искаженію и разнообразнымъ вставкамъ, чтобы можно было надѣяться по существующимъ текстамъ добраться до ихъ первичнаго источника; съ другой — мое знакомство съ востокомъ слишкомъ поверхностно, чтобъ я могъ позволить себѣ соображенія въ области, предполагающей не только большое знаніе текстовъ, иногда не изданныхъ, но и

¹⁾ *Ib.*, стр. 241.

²⁾ Сближеніе это сдѣлано было 400 лѣтъ тому назадъ Авраамомъ Якутомъ (Jacut), тамъ же, стр. 247.

³⁾ Тамъ же, 242, прим. 2.

⁴⁾ Тамъ же, 242, прим. 3.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 242, прим. 4.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 243, прим. 1.

основательныя свѣдѣнія въ дидактической и естественно-исторической литературѣ востока. Я по неволѣ ограничусь разборомъ фабулы Сидраха и надѣюсь доказать, что источникомъ ей послужилъ Соломоновскій апокрифъ, и что ей также должно быть удѣлено мѣсто въ легендарномъ циклѣ, послѣднимъ плодомъ котораго былъ, какъ я думаю, романъ о Мерлинѣ.

Перейду къ доказательствамъ.

Талмудическая сказка о Соломонѣ, повторенная нашею Палеей, разказываетъ о постройкѣ храма, которая до тѣхъ поръ не могла быть совершена, пока не будетъ найдено чудесное средство, дающее возможность готовить камни, не употребляя жгѣзныхъ орудій. Средство это — *шамиръ*. Чтобы достать его, Соломонъ велитъ поймать князя демоновъ Асмодея (Китовраса Палея), который вступаетъ съ царемъ въ загадочное преніе, и указываетъ ему, какъ достать шамиръ: его хранить на пустынныхъ горахъ удѣль, помощью шамира онъ дробитъ утесы и бросаетъ туда древесныя семена, отчего является тамъ растительность. Соломонъ, по указанію демона, достаетъ это чудное средство и сооружаетъ храмъ ¹⁾.

Мусульманская легенда повторяетъ разказъ Талмуда съ нѣкоторыми знаменательными для насъ измѣненіями. Демонъ зовется Сахръ или Сихръ (Sihrtschin); шамиръ обратился въ камень *самуръ*; онъ добытъ въ гнѣздѣ ворона, который говоритъ, что досталъ его на одной горѣ на далекомъ западѣ. Соломонъ посылаетъ туда демоновъ, которые достаютъ ему еще нѣсколько такихъ камней. Мусульманская легенда упоминаетъ, въ связи съ Соломономъ, еще о другомъ средствѣ, разрѣшающемъ камни: о камнеломной травѣ ²⁾.

Въ греческомъ апокрифѣ „Testamentum Salomonis“, относимомъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, разказъ также привязывается къ построенію храма. Но на этотъ разъ причины неудачи другія: храмъ не удастся, потому что каждый день, по захожденіи солнца, является демонъ Орніасъ, отнимаетъ у главнаго служителя царя, смотрѣвшаго за работами, половину его жалованья и лишаетъ его силы, высасывая у него большой палецъ на правой рукѣ. При помощи волшебнаго перстня, который посылаетъ ему Господь, Соломону удастся залучить его въ свою власть, и выѣсть съ нимъ, цѣлую толпу демоновъ. Царь вступаетъ съ ними въ разговоръ, и они разказываютъ ему о себѣ и

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 105—109, 209—211.

²⁾ Тамъ же, стр. 131—132.

научаютъ его, какъ соорудить храмъ. Орніасъ говоритъ: „Если ты совершишь куреніе изъ мирры, ладона, морскаго лука, нарда и сафрана, и во время землетрясенія зажжешь семь свѣчей, тогда ты построишь храмъ“. Другой демонъ даетъ такой совѣтъ: „Дай мнѣ слугителя, я поведу его на высокую гору и покажу ему тамъ зеленый берилль; имъ ты украсишь храмъ божій“ ¹⁾. И постройка завершается.

Мы можемъ приступить теперь къ разбору легенды, легкой въ основаніе діалоговъ Сидраха. Вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ станетъ ясно, какимъ образомъ приросъ къ ней діалогическій элементъ. Бокхъ также занятъ постройкою башни; она не удается, потому что все, сдѣланное за день, разрушалось за ночь. Царь посылаетъ за мудрымъ Сидрахомъ, который наставляетъ его. Это первый поводъ къ діалогу. Сидрахъ говоритъ, что земля, на которой сооружалась башня, очарована, что можно снять чары, если достать травы, растущія на одной горѣ въ Индіи. Упоминаніе о чудесныхъ травахъ, вѣроятно, дало поводъ обогатить діалоги цѣлымъ гербаріемъ; введеніе въ нихъ отдѣла о драгоцѣнныхъ камняхъ я также склоненъ объяснить потеряннымъ теперь мотивомъ: въ началѣ разказывалось, вѣроятно, какъ въ мусульманской легендѣ и въ завѣтѣ Соломона, что на горѣ найдутся такіе же чудодѣйственные камни. Не сомнѣнно во всякомъ случаѣ, что развитіе въ діалогахъ отдѣла астрологіи и пророчествъ явилось необходимымъ выводомъ изъ типа мудраго Сидраха, вѣдающаго будущее и читающаго въ книгѣ Яфета.

Сходство Сидраховой книги съ предыдущими образчиками Соломоновской легенды кажется мнѣ довольно яснымъ. Но между ними существуютъ, можетъ-быть, и нѣкоторые другія, болѣе тѣсныя отношенія. Сидрахъ посылаетъ Бокха въ Индію, на „зеленую гору ворона“; въ мусульманской легендѣ *воронъ* нашель самуръ на одной горѣ на далекомъ западѣ; въ завѣтѣ Соломона демонъ велитъ искать на высокой горѣ *зеленыхъ берилловъ*. Мнѣ кажется, что загадочная „зеленая гора ворона“ лучше всего объясняется изъ подробностей двухъ послѣднихъ сказаній. Или, можетъ-быть, изъ одного мусульманскаго? Сидрахъ или Сирахъ—не есть ли это *Сихръ* какой-нибудь арабской легенды, переделанный, по библейскимъ воспоминаніямъ, еврейскимъ

¹⁾ Ib., стр. 134—135. Въ одной арабской рукописи Мюнхенской бібліотеки (Aumer, Catalog der arab. His. der Münchner Bibliothek, p. 286 и слѣд., № 651, 445), я нахожу: Weisheits Sprüche der Philosophen der Geister vor Salomo, dem Sohne Davids. Это не арабскій текстъ Testamentum?

ея переводчикомъ? Въ средніе вѣка Евреи часто служили толмачами въ подобныхъ случаяхъ: вспомнимъ также свѣдѣніе пролога, что императоръ получилъ текстъ Сидраха изъ мусульманскаго Туниса. Въ исторіи перехода восточныхъ легендъ на западъ, дворъ Фридриха II долженъ былъ во всякомъ случаѣ играть не послѣднюю роль. Ближе по симпатіямъ былъ ему магометанскій востокъ; но въ его преданіяхъ онъ получалъ отрывки древнихъ еврейскихъ и арійскихъ повѣрій. Книга Сидраха указывала ему на Индію и Бактріану, на какую-то „зеленую гору ворона“ въ глубинѣ Индіи, на которой водятся 12.000 травъ: 4.000 изъ нихъ благотворны, 4.000 вредны, 4.000 ни вредны, ни полезны. И еще есть тамъ 12.000 водъ, которыя 12 разъ въ году собираются въ одно мѣсто и напояютъ эти травы и всю землю. На эту гору посылаетъ Сидрахъ Бокха за травами, которыя дадутъ ему возможность построить башню. Я сравнилъ этотъ эпизодъ съ талмудическимъ разказомъ о шамирѣ, хранимомъ на горѣ мѣической птицей и являющемся тамъ источникомъ плодородія. Но еще ближе къ разказу Сидраха парсійское повѣрье о птицѣ Samros, которая съ вершины горы Нага berezaiti распускаетъ сѣмена во всѣ страны Ирана; или, по другому сказанію, подбираетъ сѣмена, падающія съ дерева Jadbêsh, и относитъ ихъ туда, гдѣ Тиштаръ (Sirius?) соединяетъ воды, пускаетъ тѣ и другія въ видѣ дождя на землю. Въ указанномъ эпизодѣ Сидраха, какъ и во многихъ другихъ, я усматриваю одинъ изъ многихъ иранскихъ мифовъ, съ которыми средневѣковая Европа познакомилась уже въ ихъ семитическомъ приуроченіи.

II.

Мерлинъ.

Крайнимъ выраженіемъ Соломоновской саги въ Европѣ были романтическіе разказы о Мерлинѣ. Я пытался это доказать въ другомъ мѣстѣ¹⁾; теперь, когда къ остальнымъ терминамъ сравненія присоединился еще Сидрахъ, я могу высказаться еще утвердительнѣе. Во первыхъ, книга Сидраха представляетъ новый пересказъ знакомой восточной легенды, и притомъ пересказъ, сдѣлавшійся въ значительной мѣрѣ популярнымъ на западѣ. Мерлинъ только болѣе его обнародовалъ, что разумѣется не даетъ намъ права отдѣлять его отъ дру-

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китовражѣ и западныя легенды о Морельѣ и Мерлинѣ, стр. 200—205; 304—340.

гихъ, сходныхъ съ нимъ преданій, и отрицая всякую историческую съ ними связь, защищать его самобытность и народность. Съ другой стороны, въ книгѣ Сидраха мы замѣчаемъ интересную аналогію развитія съ развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ Мерлиновскаго типа: какъ изъ разговора Вокха съ мудрецомъ выросъ цѣлый діалогъ, касавшійся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ знанія, переходившій къ астрологіи и къ пророчествамъ, такъ было и съ Мерлиномъ. Припомнивъ главныя черты его романтической біографіи¹⁾, мы убѣдимся, что въ ряду приведенныхъ нами Соломоновскихъ легендъ она всего ближе напоминаетъ книгу Сидраха.

У царя Вортигерна не удается постройка башни, потому что три дня сряду исчезаетъ, не вѣсть куда, собранный для нея матеріалъ; или же постройка всякій разъ рушится — совершенно какъ въ Сидрахѣ. Къ царю приводятъ мудраго Мерлина. Замѣчу по этому поводу, что и у Готфрида Монмутскаго и у де-Борона (de Boron) Мерлинъ является въ этомъ случаѣ *семилѣтнимъ* мальчикомъ, исполненнымъ вѣщей мудрости, и что семилѣтнимъ мальчикомъ представленъ и Веп-сига, котораго Штейншнейдеръ сравниваетъ съ Сидрахомъ. Мерлинъ открываетъ тайну, почему башня не строится и участвуетъ по этому поводу царскихъ мудрецовъ — опять какъ и Сидрахъ. Въ одномъ разказѣ Семи Мудрецовъ, относящемся къ циклу Мерлина, онъ также является ихъ обличителемъ и велитъ отрубить имъ головы — какъ въ названномъ еврейскомъ сборникѣ Веп-сига приказываетъ бросить въ львиный ровъ царскихъ совѣтниковъ²⁾. Причиною неудачной постройки оказываются, по словамъ Мерлина, два борящіеся между собою дракона, скрытые подъ основаніемъ башни. Когда принялись рыть и драконы показались и начали биться другъ съ другомъ, Мерлинъ вступаетъ съ царемъ въ бесѣду: объясняетъ ему значеніе драконовъ и пророческій смыслъ ихъ борьбы; отъ этого пророчества переходитъ къ другимъ. Ужь у Готфрида Монмутскаго они развились въ цѣлую книгу. Авторъ „*Vitae Merlini*“ также отводитъ имъ много мѣста, чередуя ихъ съ разсужденіями о космогоніи, о стихіяхъ, объ ангелахъ и злыхъ духахъ, о морѣ, птицахъ; и все это вливается въ уста Мерлина, совершенно какъ въ діалогахъ Сидрахъ. Но предсказанія привлекали болѣе всего, и это увлеченіе породило со временемъ особый родъ Мерлиновской литературы. Оставлялись не

¹⁾ Тамъ же, гл. VII.

²⁾ Steinschneider, l. c., p. 241.

тронутыми главныя черты его біографіи, но отдѣлъ пророчествъ былъ усиленъ: Мерлина заставляли прорипать при малѣйшей возможности, для чего нерѣдко разрывалась естественная послѣдовательность разказа; съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ типомъ вѣщуна, ему навязывали все новыя и новыя гаданія, чтобъ имѣть возможность опереться на его авторитетъ. И здѣсь, хотя въ другой области, постоянныя наросты взяли перевѣсъ надъ первоначальнымъ планомъ книги: изъ легенды Сидраха вышли діалоги, изъ легенды Мерлина — его пророчества.

Нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ отдѣльно въ старинныхъ сборникахъ. Въ 1866 году, работая въ Флорентійскихъ бібліотекахъ, мнѣ удалось открыть самую древнюю изъ извѣстныхъ рукописей итальянскихъ новеллъ, собственно такъ-называемыхъ *Centο novelle antiche*. Рукопись относится къ первымъ годамъ XIV столѣтія, если не къ XIII; изъ нея я извлекъ лишь одну новеллу, и притомъ самую дефектную, которая и была напечатана въ комментарий къ моей книгѣ: *Il Paradiso degli Alberti*. Теперь всѣ разказы этой рукописи напечатаны¹⁾, и я могу обратить вниманіе на одинъ изъ нихъ, — третій въ изданіи Папанти.

Пророчество Мерлина. „Однажды, когда Мерлинъ находился въ своей комнатѣ одинъ и сильно плакалъ, къ нему пришелъ маэстро Антоніо, и увидѣвъ его столь сильно плачущимъ, сказалъ: „Изъ-за чего ты плачешь, Мерлинъ? Это мнѣ на диво, потому что я никогда не видѣлъ тебя плачущимъ“. Мерлинъ отвѣчалъ: „Что я плачу, то на это у меня есть причина, и всему бы міру слѣдовало плакать по причинѣ одного событія, которое, какъ я предвижу, должно случиться“. Говоритъ мессеръ Антоніо: „Не хочешь ли ты, чтобъ я это записалъ?“ „Да“, отвѣчалъ Мерлинъ, „поставь это въ твоей книгѣ, маэстро Антоніо. Сказалъ Мерлинъ, что во время великаго вавилонскаго дракона отправится²⁾ въ Индію одинъ изъ его служителей и велитъ разрушить чудный дворецъ, построенный св. Омою для индѣйскаго царя Гондафора³⁾. Въ первый день онъ велитъ разрушить большую палату, въ которой царь держалъ совѣтъ со своими друзьями и слугами; на третій (?) день—все остальное. „Скажи мнѣ“, спросилъ мессеръ

¹⁾ *Novelle antiche* (ed. Papanti), Livorno, Vigo. 1871.

²⁾ У Папанти: *arderà*; Либрехтъ исправляетъ: *anderà*; *Vita di Merlino* (Venezia 1540): *manderà* л. 161 v.

³⁾ По исправленію Либрехта. У Папанти: *Gidde for*; въ *Vita di Merlino* л. 161 v. *Gande far*.

Антонио, „ты отъ этого такъ сильно и плакалъ?“ „Конечно“, отвѣчалъ Мерлинъ, „плакалъ по такой красотѣ, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ чистаго золота и драгоценныхъ камней; а разрушена она будетъ презрѣннымъ человѣкомъ, отецъ котораго занимался починкой сапоговъ“.

Разказъ этотъ тѣмъ интересенъ для меня, что онъ съ другой стороны приводитъ Мерлина — на этотъ разъ, можетъ-быть, совершенно вѣшнимъ образомъ — въ прикосновеніе съ апокрифическою литературой, которой онъ несомнѣнно принадлежитъ по своимъ отношеніямъ къ Соломоновской легендѣ. Я разумѣю апокрифическія дѣянія св. Ѳомы, построившаго будто бы для индѣйскаго царя Гундафора дворецъ въ небесахъ, милостыней и добрыми дѣлами. Разумѣлся дворецъ аллегорическій, но средневѣковая фантазія прикрѣпила его на землѣ, такъ что явилась возможность его разрушить. Можетъ-быть, и Вавилонскій драконъ, упоминаемый въ разказѣ, стоитъ въ связи съ дракономъ, о которомъ говорится въ апокрифѣ. Либрехтъ, указавшій на связь новеллы съ отреченнымъ текстомъ¹⁾, не говоритъ ничего о ея ближайшихъ отношеніяхъ. Она ничто иное, какъ одно изъ пророчествъ, оторванныхъ изъ общаго свода, ходившаго подъ названіемъ: „Жизнь Мерлина и его предсказанія“. Я уже успѣлъ указать выше на особенности этого рода Мерлиновской литературы, и потому не буду повторять, что въ такого рода сводахъ главная доля вниманія отдана преимущественно предсказаніямъ.

Въ 1480 году напечатана была въ Венеціи „La vita di Merlino con le sue profezie“. Въ концѣ книги объявлено, что она переведена съ французскаго, во Флоренціи, въ 1379 году²⁾. Этого изданія я не видѣлъ, но судя по помянутъ въ концѣ Венеціанскаго изданія 1540 года (Venetia per Bartolameo Imperatore), лежащаго передо мною, послѣднее есть лишь воспроизведеніе перваго³⁾. Оно раздѣлено на 6 книгъ неравнаго объема, и вѣроятно, не одного времени. Какія части можно признать за древнія, какія нѣтъ, нарасталъ ли новый матеріалъ цѣлыми книгами, или отдѣльными главы и предсказанія вводились постепенно въ первоначальный планъ, не измѣняя его? На

¹⁾ Въ *Gött. G. Anz.* 1872, St. 17 (по поводу *Novelle antiche*, ed. *Papanti*).

²⁾ *Historia di Merlino*. Venezia, Iruca Veneto. 1480 in fol. Tracta è questa opera del libro autentico del magnifico messer Pietro Delphino fo de magnifico messer Zorzi, translatato de lingua francese in lingua italica scripto nell'anno del signore 1379 a dì 20 Novembre in Florentia e stampato del 1480 adì primo Fevraro Ducente Joanne Mocenigo, Pontefice vero Sixto papa IV.

³⁾ Въ помянутъ этого изданія 1479 годъ поставленъ ошибочно вмѣсто 1379 г.

всѣ эти вопросы можно будетъ отвѣтить удовлетворительно лишь въ томъ случаѣ, когда будутъ приведены въ извѣстность болѣе древніе тексты, и въ особенности, французскій, съ котораго сдѣланъ итальянскій переводъ. Въ настоящемъ случаѣ я могу предложить лишь нѣкоторые объясненія.

Первая книга Vita di Merlino главнымъ образомъ біографическая: это извѣстный по роману разказъ, доведенный до воцаренія Артура. Собственно пророчествъ очень мало (22 гл. на 166); нѣкоторыя изъ нихъ касаются Италіи. *Вторая книга*, самая краткая (всего 5 главъ)—вся изъ пророчествъ и почти всѣ касаются Венеціи (quasi tutte le profetie..... trattano di Venezia e di suoi cittadini). Какъ первая книга предполагается написанною, подъ диктовку Мерлина, пустынноикомъ Блазіемъ, такъ вторая какимъ-то maestro Tholomeo clerico. Ея краткость и то обстоятельство, что содержаніе ея преимущественно Венеціанское, возбуждаетъ подозрѣніе, что сочинено оно уже въ Италіи и введена поадиѣ въ рядъ другихъ книгъ. Въ концѣ ея читается слѣдующая помѣтка: „Послѣ маэстро Толомео (автора 2-й книги) писалъ пророчества Мерлина, еще при его жизни, маэстро Антоніо, вы ихъ найдете въ слѣдующей третьей книгѣ. А четвертую писалъ пустынникъ Эліа (Helia), и ее Персеваль (Principale lo Galois) отнесъ уже по смерти Мерлина и Эліа къ маэстро Антоніо и помѣстилъ ее вслѣдъ за другими. *Пятую книгу* писалъ Меліадусъ, любовникъ Дамы Озера, незаконный сынъ Меліадуса di Leonis отъ шотландской царицы“. Итакъ, въ рукописи автора было не шесть книгъ, какъ въ лежащемъ передъ нами печатномъ текстѣ, а пять, которые отвѣчали печатнымъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

(помѣтка автора въ концѣ 2-й книги).		Печатный текстъ.
1	"	1 (пис. Блазіо).
2	"	2 (Толомео).
3	"	3 (Антоніо).
4	"	5 (Эліа).
5	"	6 (Меліадусъ).

Въ четвертой книгѣ печатнаго изданія заключаются пророчества, записанныя со словъ Мерлина Дамой Озера; означенная помѣтка о ней умалчиваетъ, можетъ-быть, потому, что она еще не существовала тогда отдѣльною книгой. Ея содержаніе дѣйствительно примыкаетъ къ пятой. Въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ предположить, что нѣгѣшнее раздѣленіе на шесть книгъ явилось позже предполагаемой вставки

второй книги, потому что оно приняло последнюю, и между третьей и пятой помѣстило еще новую, теперь четвертую.

Третья книга предполагается написанной маэстромъ Антоніо. Она всего богаче пророчествами, изъ которыхъ нѣкоторые касаются Италіи (Витербо, Тревизская Марка, Падуа, Римъ, Венеціи, Генуэзцы, Миланъ, Піаченца и Ломбардія, Верона, Модена, Тоскана, Пиза и Флоренція, Равенна, Пистойя, Азвилея, Бриндизи), особенно Генедіи и Венеціанцевъ, „добрыхъ мореходовъ“, тогда какъ Тосканцы названы „злостными торговцами“ (с. 93 *malvaggi mercadanti*). Много также пророчествъ, указывающихъ на историческія, но не италіанскія отношенія; тѣ и другія трудно угадать, потому что прорицанія ограничиваются большею частью неопредѣленными, туманными намеками, города и страны иногда названы, иногда помѣчены заглавными буквами, или выражены иносказательно. Такъ, говорится часто о „Вавилонскомъ драконѣ“: въ то время, когда прійдетъ Вавилонскій драконъ, или прежде, чѣмъ онъ появится, и т. п. Надъ этими хронологическимъ опредѣленіемъ должны были ломать себѣ голову средневѣковые книжники; тѣмъ болѣе, что пророчества этого рода были самыя мрачныя. Разумѣлся, вѣроятно, Антихристъ. Къ нему относятся между прочимъ главы 90-я и 91-я третьей книги, содержаніе которыхъ разказано выше новеллой XIII вѣка, и почти тѣми же словами. Въ XIII вѣкѣ, стало быть, эта часть Мерлиновскихъ пророчествъ была извѣстна.

Затѣмъ остается еще много прорицаній, общій характеръ которыхъ трудно опредѣлить. Многія содержатъ указанія на борьбу съ магометанами, на крестовые походы и византійскія отношенія; или же рѣзкія нападки на нравы римской церкви и ея служителей, на симонію, развратъ и лицемеріе. Это черта особенно преобладающая ¹⁾. Слѣдуютъ затѣмъ разказы, содержаніе которыхъ никому въ голову не прійдетъ искать въ исторіи, а скорѣе всего въ гералогическихъ повѣрьяхъ, въ новеллѣ или романѣ ²⁾. Такъ, Мерлинъ пророчествуетъ маэстро Антоніо о своихъ подвижникахъ по Круглому Столу: о Меліадусѣ, котораго заманить къ себѣ и будетъ держать въ плѣну Вѣщая дѣва (*savia damisella*); Мерлинъ освободитъ его, но жена Меліадуса — *Eliabel*, умретъ съ горя, родивъ ему сына, извѣстнаго

¹⁾ См. особенно гл. 31 — 42 и 78 — 84.

²⁾ Въ гл. 4 говорится о книгѣ (романѣ) *del re Belien che fu di Belistance* или *Belistanza*.

Тристана ¹⁾. Иногда Мерлинъ не столько пророчествуетъ, сколько поучаетъ: какъ слѣдуетъ подавать милостыню (гл. 43), въ какіе дни луннаго мѣсяца что слѣдуетъ предпринимать (гл. 96). Глава 16-я заключаетъ пророчество о злыхъ женахъ, которыя станутъ красить свое лицо, отчего Господь отвернется отъ нихъ, и мужчины будутъ ихъ считать за блудницъ. Будетъ это за 1285 лѣтъ до рожденія того, чему предстоитъ родиться въ Іерусалимѣ (*sarà dall'hora inanti che la cosa che già diè nascere nelle parti di Gierusalem havera MCCLXXXV anni*). Это одно изъ обычныхъ хронологическихъ опредѣленій Мерлина. Антоніо спрашиваетъ его по этому поводу, были ли и до потопа столь же грѣховные люди, какъ тѣ, которые по твоимъ словамъ, еще будутъ. Мерлинъ отвѣчаетъ, что были и хуже, и рассказываетъ о двухъ городахъ Anteris и Urbanza. Послѣдній былъ до потопа главнымъ въ свѣтѣ городомъ, онъ такъ былъ населенъ, что имъ правили тридцать вѣнчаныхъ царей, а надъ всѣми императоръ. Но эти люди были хуже животныхъ и поклонялись золотымъ и серебрянымъ кумирамъ. Оттого всѣ они погибли въ потопѣ. Еще теперь въ ясную погоду можно видѣть въ морѣ, напротивъ Венеціи, затонувшій безбожный городъ (гл. 18). „Неужели всѣ эти сокровища погибли“, спрашиваетъ Антоніо. „Нѣтъ, многое сохранилось“, отвѣчаетъ Мерлинъ, „но обо всемъ я тебѣ рассказывать не стану, а только часть. Въ то время, когда мои пророчества будутъ переводиться съ латинскаго на французскій языкъ, найденъ будетъ золотой вѣнецъ императора Урбанца, Адриана, съ четырьмя драгоценными камнями. Спасаясь на кораблѣ отъ потопа, онъ потонулъ съ женой и дѣтьми“ (гл. 19). Глава 22-я называется такъ: Пророчество о томъ, во сколько будетъ оцѣнена корона Вавилонскаго дракона, хотя въ текстѣ опять говорится объ императорѣ Урбанцѣ. Бѣдный рыбакъ вытащитъ въ своихъ сѣтяхъ его корону и оставитъ ее у себя, не обращая на нее большаго вниманія, потому что не знаетъ ей цѣны. Черезъ годъ, находясь въ Сиракузѣ (*Saragoza*) ²⁾, онъ продастъ ее золотыхъ дѣлъ мастеру (*margariter*) за 100 червонцевъ (*redonde d'oro*). Тотъ вынетъ изъ нея камни, полагая ихъ ничего не стоящими, а золото растопитъ и выручитъ за него двѣсти золотыхъ. Позднѣе, находясь въ Мессинѣ, онъ отпра-

¹⁾ Гл. 67, 68, 73, 74, 75 Сл. *Tavola rotonda* ed. Polidori (Bologna 1864) vol. I, гл. XII и XIII. Въ главѣ 73-й Мерлинъ пророчитъ Тристану, что онъ убьетъ «la bestia *gratixant*». Это, можетъ-быть, ошибка: въ старой *Tavola Rotonda* (стр. 214 и *passim*) Парсиваль, а не Тристанъ преслѣдуетъ «la bestia *Gratisante*».

²⁾ Сл. кн. VI гл. 44. *Saragoza e Calauria*, и хроникъ *Paolino Pieri*, гл. 1.

вится къ императору, который велитъ перевести эти самыя пророчества съ латинскаго на французскій языкъ, и скажетъ ему: „Государь, есть у меня четыре камня, въ которыхъ я не знаю толку; я покажу ихъ вамъ, потому что маля идетъ о васъ по цѣлому свѣту, какъ о лучшемъ знатокѣ драгоцѣнныхъ камней“. Императоръ возьметъ ихъ у него и дастъ ему въ награду замокъ съ доходами, такъ что онъ сдѣлается богатымъ человекомъ; а камни пошлетъ своимъ друзьямъ въ языческія земли.

Слѣдующая 23-я глава, поясняетъ предыдущую. Она озаглавлена такъ: „О томъ, какъ Ричардъ (Rizardo), переводившій эти пророчества съ латинскаго на французскій языкъ, засвидѣтельствовалъ, что предыдущее предсказаніе исполнилось въ его время“. Въ то время, какъ Ричардъ занятъ былъ переводомъ, пришелъ къ нему одинъ рыцарь римскаго императора, и прочтя сказанное пророчество, заявилъ, что все это дѣйствительно такъ случилось на его глазахъ и находка рыбака, и продажа вороны золотыхъ дѣлъ мастеру, а драгоцѣнныхъ камней императору. Ричардъ этому не повѣрилъ, и чтобъ убѣдиться, посылаетъ императору означенное пророчество. Тотъ сильно удивился, что Мерлинъ могъ все это такъ точно знать, когда жилъ столько времени тому назадъ. Онъ велитъ перевести его пророчества съ французскаго языка на сарацинскій и посылаетъ вмѣстѣ съ четырьмя камнями Вавилонскому султану, а Ричарда вознаграждаетъ.

Этимъ разеазомъ мы воспользуемся въ послѣдствіи. Пока перейдемъ къ нѣкоторымъ другимъ пророчествамъ третьей книги.

Въ главѣ 44-й говорится, что маэстро Антоніо читаетъ книгу пророчествъ, записанныхъ Блазиемъ; въ 85-й онъ записываетъ пророчества, собранныя маэстромъ Толомео, и помѣщаетъ ихъ вмѣстѣ съ своими (*appresso le sue*). Объ отдѣльной книгѣ, написанной Толомео, не говорится ни слова; благодаря необдуманности компилятора, позабывшаго устранить указанія 44-й и 85-й главъ, мы находимъ новое подтвержденіе нашему мнѣнію, что вторая книга присоединена имъ позже.

Подъ конецъ III книги Мерлинъ начинаетъ пророчествовать о своей собственной судьбѣ (гл. 69, 70, 72, 97, 98), которая и сбывается на самомъ дѣлѣ. Послѣднія главы приводятъ насъ снова къ его біографіи и она досказывается почти въ тѣхъ же чертахъ, какъ и въ романахъ ¹⁾. Онъ страстно любитъ Даму Озера (*Viviana* романовъ)

¹⁾ Wace, Brut, ed. Leroux de Lincy. См. *San Marte*, Merlin, pp. 341 и слѣд.; *Villemarqué*, Archives des missions scientifiques t. V (1856 г.).

и напередъ знаетъ, что „бѣлая змѣя“, будетъ причиною смерти мудраго „полу-человѣка“ (*meggio huomo pien di scientia*), какъ называетъ себя самъ Мерлинъ. Не любя его, она завлечетъ его въ лѣсъ (*di Nartes*) ¹⁾, чтобы вывѣдать у него его мудрость и чары, и тамъ при помощи ихъ заколдовать его на вѣки. Мерлинъ знаетъ это напередъ, но его влечетъ на встрѣчу опасности: онъ самъ идетъ на свиданіе къ Дамѣ Озера, устраиваетъ для нея и для себя роскошный дворецъ въ такомъ пустынномъ мѣстѣ лѣса, что его тамъ никто не найдетъ, хотя многіе будутъ искать его, — между прочимъ царь Абирона, *Segumolo lo Bruo* ²⁾. Здѣсь онъ продолжаетъ пророчествовать о тѣхъ вещахъ, о которыхъ пріятно было узнать Дамѣ Озера. Въ послѣднихъ двухъ главахъ III-й книги (103 и 104) говорится, что Мерлинъ послалъ изъ своего убійща еще два предсказанія маэстро Антонио: одно о томъ, что царь Меліадусъ *di Lionis* придетъ искать его сюда послѣ его смерти; но что онъ не позволитъ ему найти себя; другое о Ланцелотѣ и Жиневрѣ, о Мардретѣ и Артурѣ и о смерти послѣдняго. Всѣ эти лица не названы, но ихъ легко узнать по обстоятельствамъ разказа. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что событія и лица романовъ Круглаго Стола, о которыхъ упоминаетъ нашъ памятникъ, особенно въ послѣднихъ книгахъ, представляются какъ-то особенно спутанными или же съ подробностями, неизвѣстными изъ другихъ источниковъ. Преданіе, очевидно, не было свѣжо.

Четвертая книга опять такая же краткая, какъ и вторая. Содержаніе ея сводное; историческихъ пророчествъ мало, и между ними встрѣчаются Венеціанскія. Въ началѣ Дамы Озера спрашиваетъ Мерлина о судьбахъ героевъ Круглаго Стола: Ланцелотѣ, Беорго, *Lionello* ³⁾, о Жиневрѣ, *Galasso* и Парсивалѣ, о *Seguradex lo Bruo*, *Nicomedes* и *Elia* сынѣ Беорго, о смерти короля Марка Корнваллійскаго и т. п. То, что сообщается о нихъ, обличаетъ знакомство со всѣмъ цикломъ сказаній Круглаго Стола, хотя источникъ того или другого свѣдѣнія не всегда ясенъ. Такъ, о Ланцелотѣ дѣйствительно разказывалось, что онъ воспитывался у Дамы Озера, и тоже о его

¹⁾ Въ старофранц. Ланцелотъ: *Darnantes*.

²⁾ Кн. III гл. 100; въ IV кн. гл. 6 упоминается царь Абирона *Seguradex lo Bruo*, въ гл. 23: *Saturax lo Br.* См. *Tavola Rotonda*, ed. Polidori vol. 2. Indice (*Sigurans lo Bruno*; cavaliere Agragone). Если это одно и то же лицо, то объ исканіи имъ Мерлинова убійща, сколько мнѣ извѣстно, въ романахъ не говорится.

³⁾ Bordo, Borgo и *Lionello*. См. *Tavola Rotonda*, Indice. Старофранц. *Boortz* и *Lionel*.

двоюродныхъ братьяхъ Beorzo и Lionello (гл. I), но ничего подобнаго о Парсивалѣ (гл. 5). О Saguradex lo Bruno re di Abigon говорится (гл. 6), что онъ умретъ очень юнымъ; а въ старопиталианской Tavola Rotonda Sigurans lo Bruno, cavaliere Agrabone, достигаетъ 170 лѣтъ ¹⁾. Пророчество о Жиневрѣ повторяетъ отчасти послѣднюю главу III книги. О re di Nikomedes, который будетъ царемъ Finiporoli (гл. 7), я ничего не знаю; Elia сынъ Beorzo (гл. 8)—это Helie le Blanc старо-французскаго прозаическаго Ланцелота ²⁾: онъ отправится за моря въ услуженіе святой церкви и завоеуетъ Константинополь. Смерть короля Марна передается не въ традиціонныхъ чертахъ (гл. 10).

Дама Озера очаровываетъ Мерлина въ гробницѣ, въ которую упростила его лечь и надъ которой сама закрыла крышку. Самъ Мерлинъ научилъ ее этимъ чарамъ и теперь безсиленъ противъ нихъ. Еще мѣсяцъ жива будетъ его плоть, но духъ будетъ вѣчно пророчествовать. Этихъ пророчествъ будутъ искать послѣ его смерти, но никто не найдетъ Мерлина, кромѣ Seguradex'a и Меліадуса. Мерлинъ проситъ на прощаньи у Дамы Озера, чтобъ она оповѣстила о его смерти маэстро Антонію.

Между тѣмъ, вѣсть о случившемся разнеслась, и многіе пустились искать Мерлиновой гробницы, между прочимъ, Парсиваль. Въ одномъ лѣсу онъ находитъ ветхаго пустынника Элію, которому было откровеніе, что на третій день по прибытіи Парсивала онъ сподобится перейти къ лучшей жизни. Этотъ пустынникъ помнилъ Мерлина, приходившаго въ его келью, и тогда же записалъ его пророчества. Они и составляютъ содержаніе 5-й книги.

Но объ этомъ Элію мы узнаемъ въ первый разъ. Ни 1-я, ни 3-я книги не говорятъ о немъ ни слова; упоминаетъ его лишь извѣстная помятка въ концѣ 3-й книги, присоединенная позже. Надо предположить, что и четвертая такого же поздняго происхожденія, и можетъ-быть, принадлежитъ тому же редактору. Я заключаю это изъ слѣдующаго: въ то время, какъ 44-я и 85-я главы XI-й книги упоминаютъ о маэстро Толомео такъ, какъ будто приписанной ему II-й книги не существовало, въ 26-й гл. IV-й книги Меліадусъ, отправившійся искать Мерлина, находитъ у маэстро Антонію рукопись его пророчествъ, написанныхъ маэстро Толомео и маэстро Антонію. Редакторъ IV-й книги признавалъ, стало быть, книгу Толомео, какъ редакторъ II-й воз-

¹⁾ Ib. Indica.

²⁾ Jonckbloet, Roman van Lancelot, II, p. CXXXVI и CLXVII.

вѣщалъ напередъ пророчества Эліи. Они заключаются собственно въ V-й книгѣ, но эта послѣдняя не отдѣлима отъ IV-й, гдѣ пустынный Элія выведенъ впервые. Редакторъ V-й былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ IV-й, и по всей вѣроятности, II-й: IV-я книга, упоминаемая въ послѣдней, какъ заключающая пророчества Эліи, равнялась нынѣшнимъ IV и V-й; раздѣленіе на IV-ю и V-ю принадлежитъ еще болѣе поздней редакціи, которая нашла нужнымъ дать имъ и отдѣльныя заглавія: пророчества записанныя Дамой Озера и Эліей.

Замѣтимъ въ заключеніе, что авторъ IV-й книги ужъ имѣлъ передъ собою пророчества Мерлина, собранныя Меліадусомъ, то-есть, нынѣшнюю VI-ю книгу. Онъ напередъ ссылается на одно изъ ея пророчествъ (IV, 30).

Послѣ того, что я сообщилъ о вѣроятномъ происхожденіи *этой* книги, я могу о ней не распространяться. Приведу лишь нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ догадку, что, вмѣстѣ съ IV-й, она должна быть признана за позднѣйшее приращеніе. На очень незначительное число прорицаній, большая часть приходится въ нихъ опять же на долю Венеціанцевъ, какъ въ предыдущей и во второй. Всего характернѣе то обстоятельство, что всѣ разказы пустытника относятся къ *дѣтству Мерлина*, и не только естественнѣе помѣстились бы въ книгѣ Блазія и Антоніо (нынѣ I и III), но вѣроятно, въ самомъ началѣ тамъ и имѣли мѣсто. Иные даже прямо отсюда заимствованы; такъ, напримѣръ, гл. 28 о женщинахъ, румянящихъ лицо—III, 17; на другія заимствованія мы въ состояніи будемъ указать лишь въ послѣдствіи. Компиляторъ дѣйствовалъ, очевидно, такимъ образомъ: пользовался какимъ-нибудь именемъ или общимъ указаніемъ стариннаго текста (напримѣръ, на пустытника Элію), чтобы сдѣлать изъ него рамку для своей новой книги, и въ ней распредѣлялъ матеріалъ, болѣею частью заимствованный изъ того же текста, который онъ лишь отчасти разнообразилъ. Но maestro Антоніо по прежнему оставался для него главнымъ собирателемъ Мерлиновской мудрости, и какъ въ концѣ IV-й книги, онъ заставляеть Даму Озера отнести ему свои пророчества, такъ въ V-й Парсиваль дѣлаеть то же съ пророчествами Эліи, уже послѣ его смерти. Это какъ будто свидѣтельство въ пользу исконности III-й книги.

Шестая и послѣдняя книга находится опять въ такихъ же противорѣчивыхъ отношеніяхъ къ III-й и къ послѣсловію II-й, какъ и предыдущія. Въ гл. 67-й, 68-й, 73-й—75-й III-й книги, разсказывается о царѣ Меліадусѣ и о рожденіи сына его Тристана, совершенно согласно

съ традиціей романовъ; въ 103-й говорится, что тотъ же Меліадусъ будетъ искать могилу Мерлина и не найдетъ ея. Въ IV-й кн., гл. 23-й, Меліадусъ, „il bel cavaliere“, наоборотъ его отыщетъ, и Мерлинъ станетъ ему пророчествовать; въ гл. 26-й Меліадусъ все-таки не отыскиваетъ Мерлина, а вся VI-я книга содержитъ пророчества, собранныя у гробницы Мерлина Меліадусомъ, незаконнымъ сыномъ царя Меліадуса di Lionis. И такъ именно возвѣщаетъ эту книгу помѣтка въ концѣ второй, къ которой мы не разъ имѣли случай возвращаться. Противорѣчія объясняются довольно легко: дѣло идетъ о двухъ Меліадусахъ; изъ которыхъ одинъ, отецъ Тристана, извѣстенъ изъ романовъ и III-й книги пророчествъ: онъ не находитъ гробницы Мерлина, и эта черта повторяется и въ IV-й книгѣ, которая тутъ же разказывала совсѣмъ противоположное о другомъ Меліадусѣ, по прозванію „bel cavalier“, незаконномъ сынѣ перваго отъ Шотландской царицы, и воспитанникѣ Дамы Озера. Это лицо въ старыхъ романахъ неизвѣстно; о связи Шотландской царицы съ старшимъ Меліадусомъ говорилъ одноименный романъ Rusticien de Pise, но сына, происшедшаго отъ этой связи, онъ не знаетъ, и знаютъ его въ нашемъ памятникѣ, кромѣ IV-й книги, еще II-я и VI-я, гдѣ Дама Озера и приводитъ его къ гробницѣ Мерлина. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого совпаденія, что и послѣднюю надо отнести къ столь же позднимъ приставкамъ, какъ и предыдущія? Но мы видѣли, что авторъ IV-й книги ссылается напередъ на одно изъ пророчествъ VI-й; оно, стало быть, уже существовало до него, и намъ не остается ничего другого, какъ признать разказъ о второмъ Меліадусѣ принадлежностью еще древняго текста Мерлиновскихъ пророчествъ. Какъ бы то ни было, въ составѣ VI-й книги нельзя не видѣть сильнаго участія субъективнаго, сочинительскаго элемента: видно тѣмъ большая погоня за новизною, чѣмъ болѣе хитрости Мерлина казались уже исчерпанными. Такъ, Меліадусъ *шесть* разъ странствуетъ ко гробу Мерлина и столько же разъ возвращается къ маэстро Антонио; на сцену является некромантія; самъ Мерлинъ до того истощился въ предсказаніяхъ, что начинаетъ пророчествовать голословно, о какихъ-то людяхъ, которые должны родиться подъ тѣмъ или другимъ созвѣдіемъ. Или же повторяются, въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, мотивы III-й книги, гдѣ разказъ о королѣ Вавилонскаго дракона, должно быть, особенно понравился: въ VI-й онъ разбитъ на семь различныхъ главъ (5, 10, 11, 12, 17, 46, 65). Повторяются пророчества о Тристанѣ (52—4), Элиа (57—58), Segurades'ѣ (62), и да-

же легенда о рожденіи Мерлина (39)! Наконецъ, одно и то же предсказаніе историческаго характера (объ Альбигойцахъ) два раза привлекло вниманіе недогадливаго компилятора, и онъ дважды внесъ его въ ту же книгу, въ 4-й и 49-й главахъ, и оба раза почти съ тѣми же годами: 1191 и 1262—1263! Подъ конецъ и Меліадусъ, какъ раньше его Элія и Дама Озера, доставляютъ свои записки тому же маэстро Антонію, который, умирая, завѣщаетъ собранную имъ книгу Мерлиновскихъ пророчествъ своему капеллану Роберту. Робертъ и Ричардъ погребаютъ его; Ричардъ—это будущій переводчикъ пророчествъ, съ которымъ мы уже познакомились въ III-й книгѣ.

Предложенный разборъ старопечатнаго изданія „*La vita di Merlino con le sue profezie*“ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующія заключенія о постепенномъ наслоеніи памятника. Нынѣшнее его раздѣленіе на шесть книгъ должно быть признано самымъ позднимъ: компиляторъ второй книги насчитываетъ ихъ всего пять, при чемъ весьма вѣроятно предположеніе, что нынѣшнія IV-я и V-я книги составляли для него еще одну. Изъ нынѣ существующихъ шести книгъ: II-я, IV-я и V-я могутъ быть положительно признаны позднѣйшими приставками, обличающими одну руку и даже руку Венеціанскаго редактора, судя по количеству политическихъ намековъ, касающихся Венеціи. Такимъ образомъ, только I-я, III-я и VI-я книги принадлежатъ древнѣйшему составу памятника, то-есть, древнѣйшему, достижимому при настоящихъ матеріалахъ сравненія. Я не поручусь, чтобы VI-я книга, судя по своему нынѣшнему сборному характеру, также не была приставкой, хотя, можетъ-быть, болѣе раннею, чѣмъ остальные. Что касается I-й книги, то въ ней, какъ мы видѣли, пророчествъ очень мало, такъ что она является простымъ пересказомъ Мерлиновскаго романа по де-Борону. Остается затѣмъ III-я книга, специально пророческая, приписанная маэстро Антонію, который видимо сочиненъ для того, чтобы собирать и записывать изрѣченія Мерлина. Легко предположить, что именно эта книга и легла въ основаніе всѣхъ остальныхъ, которыя приростали къ ней послѣдовательно.

Подтвержденіе этому я нахожу въ одной французской рукописи XIV вѣка, хранящейся въ Ватиканѣ ¹⁾. Она содержитъ въ началѣ романъ о Гралѣ, за которымъ слѣдуетъ романъ о Мерлинѣ—по де-Борону, то-есть, какъ въ I-й книгѣ *Vita*. Въ концѣ говорится, что Мерлинъ, оставивъ Блазія, „s'en ala où il avoit un maistre qui avoit

¹⁾ Vat. 1687, у Келлера, Romvart.

à non maistre Autoine, qui li enquist et demanda de pluisseurs choses, que on apèle les prophesies de Merlin. Si comme vous orres chi après". Затѣмъ начинается непосредственно: *Chi commencent les prophesies de Mellin*. Inc. ¹⁾). Et des oeuvres et des merveilles que il fist en le grant Bretaigne et en maintes autres terres asses soustievement ²⁾; et pour che se taist atant li contes de cheste matière et parole des prophesies Melin, qui sont translatées de latin en rouman, que Fedris ³⁾ le emperères translata, pour che que li chevalier et l'autre gent laie les entendent".

Такимъ образомъ, пророчествами Мерлина назывались главнымъ образомъ собранные маэстромъ Антонио; къ нимъ присоединялся иногда, въ видѣ I-й книги, разказъ о дѣтствѣ Мерлина по роману де-Борона, который часто предшествовалъ имъ въ рукописи; потомъ начали присоединять и другія полу-романтическаго, полу-пророческаго содержанія; изъ всего этого составилъ со временемъ нынѣшнй текстъ, то-есть, цѣлая энциклопедія разказовъ, заимствованныхъ изъ романовъ Круглаго Стола и привязанныхъ къ біографіи Мерлина, и вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый сборникъ прорицаній, таинственныхъ гаданій и полускрытыхъ политическихъ намековъ, которые могли окрашиваться въ ту или другую краску по волѣ редактора. Въ средніе вѣка пророчества Мерлина служили политическимъ памфлетомъ; однимъ изъ такихъ памфлетистовъ былъ Венеціанскій редакторъ Vita di Merlino.

Мы видѣли, какой особый распорядокъ и какое своеобразное освѣщеніе онъ внесъ въ обработку стараго памятника. Очень естественно ставится вопросъ: по какому оригиналу онъ работалъ, и въ какой мѣрѣ этотъ оригиналъ могъ быть результатомъ другихъ, болѣе древнихъ искаженій; не совершилась ли уже въ немъ самая часть тѣхъ превращеній, которыя обращали загадочныя слова Мерлина въ орудіе партіи?

Типографское замѣчаніе въ концѣ первоначальнаго изданія „Vitae“ гласитъ, что твореніе это извлечено изъ книги, переведенной съ французскаго языка на италіанскій (italica) во Флоренціи въ 1379 году, и напечатано въ Венеціи въ 1480 г. Я не иначе понимаю эту—иначе ненужную—замѣтку, какъ въ томъ смыслѣ, что Венеціанскій редак-

¹⁾ Дополн. по Парижской рукописи 6772. Ci devant ait parlé li contes de Merlins et des ses oeuvres etc.

²⁾ Рукоп. (по Келлеру): Soustienement.

³⁾ Въ рукоп. Sedris (Келлеръ ib.). Основаніе моей поправки см. далѣе въ текстѣ.

торъ XV вѣка имѣлъ передъ собою переводъ, сдѣланный во Флоренціи въ XIV вѣкѣ, то-есть, тосканскій переводъ съ французскаго подлинника, стало быть, еще болѣе древняго. Слѣды этихъ трехъ редакцій можно, кажется мнѣ, и теперь еще усмотрѣть въ лежащемъ передо мною текстѣ. Пророчества Мерлина, всегда туманныя, любятъ иногда одѣваться въ кажущуюся опредѣленность, и въ такомъ случаѣ, ссылаются даже на года. Вѣрить этой хронологіи можно тѣмъ менѣе, что въ рукописяхъ цифры легко путались; тѣмъ не менѣе, взятая въ суммѣ онѣ представляютъ статистическое свидѣтельство. Если я не обчитался, то всѣхъ хронологическихъ помѣтокъ я нашелъ 78. Онѣ распределены такимъ образомъ, что только одна относится къ XV вѣку (1410 года); ее необходимо приписать Венеціанскому редактору, какъ самому позднему, если только это не ошибка. Изъ остальныхъ помѣтокъ 14 относится къ XIV вѣку, но большая часть къ XII и XIII (всего 62), впрочемъ такъ, что количественное преимущество остается на сторонѣ второй половины XIII (32), въ сравненіи съ первою (17) и съ XII в. (13). Я заключаю изъ этого, что хронологическія указанія, относящіеся къ XIV столѣтію, принадлежатъ тосканской редакціи 1378 года, тогда какъ ея французскій оригиналъ несомнѣнно записанъ былъ уже во второй половинѣ XIII в. и заключалъ въ себѣ весьма мало пророчествъ, касающихся специально Италіи, если судить по тѣмъ, которыя могутъ быть хронологически къ нему отнесены изъ числа помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ.

Концу XIII же вѣка принадлежитъ и французскій текстъ Мерлиновскихъ пророчествъ, описанный П. Парисомъ ¹⁾. На немъ слѣдуетъ остановиться. Замѣчу прежде всего, что на сколько можно судить по отрывкамъ, онъ представляетъ тождественную редакцію съ Ватиканскою, приведенною выше, почему имя императора, въ Парижскомъ *Ferris*, должно быть исправлено въ ватиканскомъ въ *Fedris* (вмѣсто *Sedris*), то-есть, Фридрихъ. Рукопись также начинается съ романа о св. Гралѣ, а за нимъ слѣдуетъ романъ о Мерлинѣ, въ концѣ котораго разказывается, что, пробывъ недѣлю у Дамы Озера, Мерлинъ возвращается къ Блэзю. Затѣмъ разказчикъ такимъ образомъ переходитъ собственно къ пророчествамъ:

„Ci devant ait parlé li conte de Merlins et de ses oeuvres, et des merveilles que il fist en la grant Bretagne et en maintes autres ter-

¹⁾ Manuscrits franç. de la biblioth. du roi, I, № 6772.

res assez suffisamment. Et pour ce se taist li conte et parole des prophesies de Merlin, qui sont translätées de latin en françois, que Ferris l'empereur fist translater, pour ce que li chevaliers et li autres gens laics les entendent mieulx et i puissent panre aucun bon exemple“.

По описанію рукописи у П. Париса, переводчикъ пророчествъ назывался Richard; онъ уже приступилъ къ переводу, когда императоръ Фридрихъ, испытавъ истину Мерлиновскихъ предсказаній касательно четырехъ драгоцѣнныхъ камней, поощрилъ его въ продолженію работы. Главная часть слѣдующихъ затѣмъ пророчествъ предполагается записанною клерикомъ Антоніемъ со словъ Мерлина, за исключениемъ послѣднихъ, которыя Антоній услышалъ отъ Меліадуса, счастливаго любовника Дамы Озера, заключившей въ гробницу духъ Мерлина.

Текстъ французскихъ prophéties заключалъ въ себѣ, такимъ образомъ, пророчества, собранныя Антоніемъ, то-есть, нынѣшнюю III-ю книгу, и тѣ, которыя собралъ Меліадусъ, то-есть, VI-ю. Если прибавить къ этому, что, какъ въ Парижской, такъ и въ Ватиканской рукописяхъ пророчествамъ предшествуетъ романъ о Мерлинѣ, давшій, какъ мы видѣли, содержаніе нынѣшней первой книгъ, то такимъ образомъ собраны всѣ матеріалы, изъ которыхъ сложилась древнѣйшая часть италіанскихъ пророчествъ, то-есть, I-я, III-я и VI-я книги, такъ какъ II-я, IV-я и V-я оказались позднѣйшими приставками. Возможно, стало быть, предположить, что одинъ изъ такихъ французскихъ сборниковъ, гдѣ за романомъ Мерлина слѣдовали его prophéties, и послужилъ оригиналомъ древнему тосканскому переводу, которымъ воспользовался Венеціанскій редакторъ. Имя переводчика Ришара дѣлаетъ это предположеніе даже необходимымъ: это—Rizzardo 23-й главы III-й книги (и 64-й VI-й), переводящій пророчества съ латинскаго языка на французскій; онъ также побужденъ къ работѣ императоромъ, который не названъ, но Мессина и Сиракузы 22-ой главы едва-ли оставляютъ сомнѣніе, что разумѣется именно Фридрихъ II (Ferris, Fedris). Обстоятельства дѣла тѣ же самыя, потому что какъ тамъ, такъ и здѣсь, императоръ увѣровалъ въ Мерлина вслѣдствіе исполнившагося пророчества о четырехъ чудныхъ камняхъ.

Подтверженіе этимъ соображеніямъ мы находимъ въ италіанской рукописной „Merlini historia“, просмотрѣнной мною въ рукописи Флорентійской Лауренціаны (pl. 89 inf. 65). Я рѣшаюсь утверждать, что рукопись эта не что иное, какъ копія съ того тосканскаго пе-

ревода, который необходимо предположить посредствующимъ между французскимъ подлинникомъ и Венеціанскою передѣлкой. Копія довольно поздняя, XV вѣка, но сквозь ея нѣсколько словоохотливую редакцію проглядываютъ болѣе древняя форма и архаистическіе обороты рѣчи; она представляетъ, наконецъ, одно Мерлиновское пророчество, которое не помѣщено въ печатномъ текстѣ, а между тѣмъ ходило отдѣльною новеллой уже въ сборникахъ XIII вѣка. Это—вторая новелла изъ напечатанныхъ у Папанти ¹⁾: *Sentenza di Merlino contro a un ipocrito*, который названъ *Argistres*; въ нашей рукописи (f. 19 r.) *Agresto*. Если послѣдняя въ самомъ дѣлѣ представляетъ намъ старый тосканскій переводъ, то необходимо допустить, что уже въ немъ совершилось сліяніе романа о Мерлинѣ (I-й книги нынѣшней „*Vita*“) съ тѣмъ, что собственно называлось его пророчествами (III-я и VI-я книги), и во французскихъ рукописяхъ еще списывалось отдѣльно.

Лауренціанскій текстъ открывается съ пророчества, части котораго (не болѣе одной или двухъ страницъ) теперь недостаетъ. Разказъ начинался съ извѣстнаго пророчества Мерлина (III, 18, 19, 22), касавшагося короны императора *Orbanza* или *Norbanza* ²⁾: какъ она потонетъ въ морѣ и будетъ найдена рыбакомъ, который продастъ ее золотыхъ дѣлъ мастеру (*lapidaro*), а тотъ пойдетъ продавать драгоценныя камни ко двору императора. Отсюда можно уже слѣдить по рукописи разказъ, существенно сходный съ приведеннымъ выше по печатному тексту. „И какъ Мерлинъ возвѣстилъ, такъ и случилось“. Когда маэстро *Riccardo* находился въ Сиракузѣ (*Seragoça*) или въ Катаніи, переводя это пророчество, былъ тамъ одинъ Парижскій клерикъ, видѣвшій въ Мессинѣ, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ продалъ императору четыре драгоценныя камня, и какъ онъ былъ вознагражденъ, все какъ сказалъ Мерлинъ. Выписавъ означенное пророчество по французски, какъ оно значилось у маэстро Риккардо, клерикъ отправляется въ Мессину, чтобы показать его императору, который вызвалъ Риккардо въ Палермо и поручилъ ему всѣ Мерлиновскія пророчества перевести на французскій языкъ ³⁾. Этотъ переводъ онъ послалъ Французскому королю; другой, на сарацинскомъ

¹⁾ *Novelle antiche*. Livorno, Vigo, 1871.

²⁾ Такъ далѣе въ рукописи.

³⁾ Предполагается, вѣроятно, съ латинскаго языка? Въ одномъ мѣстѣ рукописи (f. 52) читается впрочемъ: *al tempo che questo libro sarà traslatato d'ebreo in francese*. Разумѣется, это—фантазія переводчика или писца.

языкъ, Вавилонскому султану, а латинскій текстъ — папѣ. „А я Паолоино Пъери французскую книгу перевелъ на тосканскій языкъ, все по ряду, какъ только могъ, отборными словами, ни въ чемъ не измѣняя. Начинается исторія Мерлина“.

Императоръ, какъ видно, опять не названъ; но въ текстѣ, гдѣ повторенъ тотъ же самый разказъ, имя его стоитъ: Federigo.

Текстъ слѣдуетъ безъ раздѣленія на книги и главы; конца недостаетъ, и вмѣстѣ съ нимъ, той части цѣлаго, которая отвѣчала нынѣшней VI-й книгѣ, то-есть, пророчествъ, собранныхъ Меліадусомъ. Нѣтъ ничего, соответствующаго II-й книгѣ; на fol. 51 v. прямо говорится, что Мерлинъ оставилъ Блазія, и перейдя въ Галлію (Валлисъ), выбралъ себѣ тамъ другаго писца, Антоніо, который при немъ и остался. Разказъ дѣлится такимъ образомъ на двѣ части: то, что слѣдуетъ, составляло содержаніе древней II-й (нынѣ III-й) книги пророчествъ; древней же I-й книгѣ отвѣчаетъ первая половина рукописи до f. 51 v. Я говорю *древней* потому, что нынѣшняя первая книга должна была поступиться частью своего матеріала, изъ котораго Венеціанскій редакторъ подѣлалъ свои IV-ю и V-ю книги. Какъ это дѣлалось, видно ясно. Когда Мерлинъ побиваетъ Блазія, о послѣднемъ говорится, что записанную имъ книгу пророчествъ онъ отдалъ пустыннику Englias (Elias), который вручилъ ее Парсивалю. Это и дало рамку для нынѣшней V-й и отчасти IV-й книги. Содержаніе заимствовано такимъ же образомъ: всѣ разказы Эліи о пророчествахъ мальчика Мерлина (V, 1, 2, 4—8, 9, 10—19) находятся въ нашей рукописи тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, то-есть, въ первой части, въ повѣсти о дѣтствѣ Мерлина и до встрѣчи его съ Антоніемъ. Въ той же первой части (f. 35 v. sqq.) Мерлинъ пророчитъ Блазію, что епископъ Толомео сдѣланъ будетъ кардиналомъ, а епископомъ посвятитъ Антонія, который и будетъ его писцомъ. Этого указанія было достаточно, чтобы самого Толомео сдѣлать писцомъ Мерлина и авторомъ нынѣшней второй книги. Такимъ образомъ разрушалось старое распредѣленіе памятника и получилось новое, образцы котораго представляютъ намъ печатныя изданія „Vita“.

Рукопись Лауренціанской бібліотеки не только проливаетъ новый свѣтъ на запутанную исторію Мерлиновскаго текста, но интересна и сама по себѣ. Въ ней есть нѣсколько разказовъ, или лучше сказать, новеллъ, не извѣстныхъ по италіанскимъ изданіямъ; можетъ-быть, нѣкоторыя изъ нихъ найдутся во французскихъ оригиналахъ, до сихъ поръ не изданныхъ по старымъ рукописямъ. Укажу еще на собствен-

ныя имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, не названныхъ въ печатномъ текстѣ. Иныя изъ нихъ обличаютъ италіанскую передѣлку; другія какъ-будто заимствованы съ французскаго. Такъ, мать Мерлина названа *Maginaia*, ея отецъ *Rosamor*; бабки Мерлина: *Bersabe* и *Liabella*; судья, мать котораго Мерлинъ упоминаетъ, *messer Matteo*; послы Вортигерна — *Ruggieri* и *Labegues*¹⁾; рыцари *Morans* и *Herbeus*; *conte Elias*. Новелла купца *di Erediana* (V 1, 2) также разказана въ рукописи, но городъ названъ правильнѣе: *una città che si chiama Rodiana*, то-есть, Родось.

Тосканскій переводчикъ назвалъ себя *Paolino Pieri*. Извѣстенъ *Paolino Pieri*, авторъ Флорентійской хроники, напечатанной въ послѣдній разъ у Тартини, въ прибавленіи къ „*Regum italicorum scriptores*“ Муратори. Хроника его идетъ до 1305 года, но по нѣкоторымъ ея подробностямъ можно заключить, что жилъ онъ въ половинѣ, если не въ концѣ XIV столѣтія. Это хорошо гармонируетъ съ 1379 годомъ, когда, по замѣткѣ Венеціанскаго изданія, сдѣланъ былъ во Флоренціи переводъ Мерлиновскихъ пророчествъ. Не безъинтересно во всякомъ случаѣ, что I-я же глава хроники *Paolino Pieri* говоритъ о страшномъ землетрясеніи въ *Saragoza*, въ Сициліи, какъ италіанскіе тексты „*Vitae*“ пишутъ *Saragoza*, *Seragoça* вмѣсто Сиракузъ.

Такимъ образомъ, мы знакомимся впервые съ новымъ италіанскимъ переводчикомъ XIV вѣка и съ тосканскимъ переводомъ памятника, который цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе обратилъ вниманіе императора Фридриха II. Что привлекло его именно къ пророчествамъ Мерлина? Книга Сидраха, переведенная для него какимъ-то *Ruggieri* (Roger?) *di Palermo*, манила его своею таинственною восточною мудростью; можно догадываться, что именно эта сторона и была ему симпатична въ пророчествахъ Мерлина, переведенныхъ по его же заказу *Риншаромъ*, котораго онъ вызвалъ къ себѣ въ *Палермо*. Романы Круглаго Стола входили тогда въ моду, императоръ ими интересовался. Въ письмѣ къ Мессинскому *segreto* отъ 1240 г. онъ благодаритъ его за доставленіе ему экземпляра „Паламидеса“, принадлежавшаго когда-то труверу Жану (*qui fuerunt quondam magistri Johannis Romanzari*), то-есть, романа „*Giron li courtois*“, написаннаго де-Борономъ (*Helie de Boron*)²⁾. Но главная причина интереса могла быть другая: какъ я сказалъ, пророчества Мерлина играли большую роль въ ли-

¹⁾ Въ старофранц. Ланцелотъ одинъ изъ воспитателей его двоюродныхъ братьевъ названъ *Lambègue*.

²⁾ *Huillard-Bréholles*, *Histor. diplom. Frider. II*, I, DXLI.

тературѣ средневѣковаго политическаго памфлета. Имъ вѣрили; кто первый успѣлъ воспользоваться ими, заставить ихъ сказать, что ему хотѣлось, что отвѣчало его видамъ и ожиданіямъ, приобрѣталъ въ нихъ сильнаго союзника и могъ на время увлечь общественное сочувствіе. А Фридрихъ II искалъ себѣ союзниковъ: въ борьбѣ съ папами ему мало было сослаться на собственное имперское право, бороться съ церковью ея собственнымъ оружіемъ. Монахи лучше его успѣли справляться съ текстами; въ такихъ случаяхъ онъ начиналъ искать опоры въ новомъ откровеніи, которое и было популярно, и легче отвѣчало на его призывъ. Стоило только заставить говорить Мерлина противъ римской куріи, противъ партіи духовенства и его продажности. Въ Гаагской библіотекѣ существуетъ рукописная „*Prophetia Merlini cum Glossa Fratris de Rupecisa*“, къ которымъ присоединены другія подобныя пророчества: *Sanctae Hildegardis, Cyrilli presbyteri, Sibillae Erytraeae, Babiloniensis* и *Tiburtinae, Fratris Gebeonis, Joachimi etc.* Каталогъ замѣчаетъ: „*Ces différentes prophéties, qui sont très curieuses, paraissent avoir été rassemblées du temps de l'empereur Frédéric II et publiées en sa faveur contre les Papes*“ ¹⁾. Я не далекъ отъ предположенія, что французскій переводъ Мерлиновскихъ пророчествъ заказанъ былъ Ришару, именно съ такою цѣлью, и уже приписывалъ Мерлину кое-какіе намеки на церковныя и вообще италіанскія дѣла, разумѣется, въ духѣ императорской партіи. Подтвердить это можетъ, разумѣется, лишь ближайшее знакомство съ старофранцузскими текстами. Очень можетъ быть, что и церковь спохватилась во время, и увидѣвъ въ рукахъ противника обоюдоострое орудіе, поспѣшила воспользоваться имъ въ свою очередь. По крайней мѣрѣ, въ Венеціанскомъ текстѣ Мерлиновскихъ пророчествъ встрѣчаются такія, которыя только могутъ быть поняты, какъ направленные противъ императора. Тѣмъ не менѣе, за Мерлиномъ осталась недобрая память, какъ о противникѣ церкви и духовенства:

*Ecclesia plorabit cum superbia tanta regnabit
Et non providebit, in dura servitute manebit,*

говорять о ней Мерлиновскія *praesagia*, специально касающіяся Италіи. Не мудрено, что Тридентскій соборъ внесъ его пророчества въ роспись запрещенныхъ книгъ.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ *Lacher*, въ *Haupts Zeitschr. f. deutsch. Alterth* 1844, p. 268.